

eISSN 2311-2468
Том 7, № 16. 2019
Vol. 7, no. 16. 2019

электронное периодическое издание
для студентов и аспирантов

Огарёв-онлайн Ogarev-online

<https://journal.mrsu.ru>

БЕЛОСЛУДЦЕВ О. С.

**ДОКТРИНА КОНТРЛИМИТОВ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ
ФКС ГЕРМАНИИ (GÖRGÜLÜ И SOLANGE I)**

Аннотация. Статья посвящена исследованию национальных механизмов разрешения коллизий, связанных с исполнением решений международных судов. Автор анализирует решение ФКС Германии по Görgülü, а также дополняющие доктринальные подходы. Особое внимание уделяется теме контрлимитов в контексте конкуренции правовых позиций ФКС Германии и международных судов.

Ключевые слова: международное право, внутригосударственное право, толкование, конкуренция правовых позиций, постановления ЕСПЧ, конституционный контроль, доктрина контрлимитов, конституционная идентичность.

BELOSLUDTSEV O. S.

**DOCTRINE OF LIMITS IN THE CONTEXT OF THE LEGAL POSITIONS
OF THE FCC OF GERMANY: A CASE STUDY GÖRGÜLÜ AND SOLANGE I**

Abstract. The article is devoted to the study of national mechanisms for resolving conflicts related to the enforcement of decisions of international courts. The author analyzes the Federal Constitutional Court of Germany decision on Görgülü as well as complementary doctrinal approaches. Special attention is paid to the topic of limits in the context of competition between the legal positions of the Federal Constitutional Court of Germany and international courts.

Keywords: international law, domestic law, interpretation, competition of legal positions, judgments of the ECHR, constitutional control, doctrine of limits, constitutional identity.

В научном сообществе широко обсуждается «диалог» между Европейским судом по правам человека (далее Европейский суд, Страсбургский суд, ЕСПЧ) и Федеральным Конституционным судом Федеративной Республики Германии (далее – ФКС Германии).

Решение от 14 октября 2004 года по делу 2 BvR 1481/04 (далее – дело Görgülü) ФКС Германии открыло новый этап в отношениях ЕСПЧ и национальных органов конституционного правосудия, создав прецедент «принципиального сопротивления» правовым позициям ЕСПЧ [4].

Необходимо отметить, что проблема «согласования практики национального правосудия с правосудием европейским», является актуальной и для российского правопорядка. Как справедливо отмечает Маттиас Хартвиг: «Конституционный Суд РФ не одинок в его понимании отношения между конституционным правом и международным правом, а находится скорее в вполне приличном обществе»[2].

Особенный интерес представляет аргументация, которую использовал ФКС Германии для обоснования неисполнения решения ЕСПЧ, в частности трактовка актов ЕСПЧ как «ultra vires» (то есть неправомочных актов, выходящих за пределы полномочий). Исследование данного понятия (ultra vires) в контексте кейса Görgülü, имеет большой потенциал, т.к. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 14 июля 2015г. № 21-П не раз указывал на особое значение дела Görgülü. Также требуют внимания те основания, которые ФКС использует в качестве критериев неисполнения решений ЕСПЧ.

Для начала необходимо рассмотреть конституционно-правовое значение международно-правового договора в правовой системе Германии. Дело Görgülü примечательно еще и тем, что внесло ясность в этот принципиальный для немецкого правопорядка вопрос. Конечно, ФКС Германии мог уклониться от рассмотрения данного вопроса, разрешив дело лишь на основании национального права. Однако орган конституционного правосудия прямо поставил вопрос о статусе правовых позиций Страсбурга. Сопоставив положения ст. 23, 24, 25 и ст. 59 Конституции ФРГ суд приходит к следующим выводам:

- во-первых, несмотря на приверженность и открытость немецкого правопорядка международному праву, *судебные постановления, основанные на праве Конвенции, стоят на уровень ниже конституционного права Германии*;

- во-вторых, «правовое действие решений ЕСПЧ распространяется в соответствии с международно-правовым принципам, прежде всего, на сами государства-участники как таковые» и не может обязывать органы государственной власти к совершению определенных действий, иной подход был бы вторжением во внутрисударственную сферу регулирования. ФКС резонно отмечает, что такие полномочия есть только у органа конституционного контроля (в соответствии с § 31 абз. 1 Закона о ФКС);

- в-третьих, под обязательством, вытекающим из ст. 52 ЕКПЧ («эффективном выполнением любого из положений») ФКС понимает, прежде всего, обязанность учета этих положений, но это не значит, что им необходимо следовать во всех случаях. Национальные суды не могут механически следовать за позициями ЕСПЧ, особенно в делах, где есть «многополярные правоотношения, связанные с реализацией основных прав, как например, это встречается в частном праве»;

- в-четвертых, даже если в постановлении ЕСПЧ установлено, что решение национального суда противоречит Конвенции, это не «устраняет юридическую силу данного решения», т.к. это не предусмотрено ни Конвенцией, ни Конституцией [4].

Таким образом, ФКС констатирует, что национальные суды не обязаны пересматривать свои решения на основания Постановления ЕСПЧ. ФКС делает важную

оговорку – в ряде случаев немецкие суды могут пересмотреть дело и принять во внимание позицию ЕСПЧ, но это не является общим правилом взаимодействия этих юрисдикций (для этого должны быть реальные процессуальные возможности). Такая возможность предусмотрена только в УПК ФРГ (пункт 6 § 359 УПК «Возобновление в пользу осужденного»). Соответственно, пересмотр возможен только по уголовным делам. Также ФКС отмечает, что производство по гражданским делам имеет иную специфику, а позиции ЕСПЧ в этой области могут не отражать реальный баланс прав и интересов «наряду с заявителем, подавшим жалобу, в процессе в Суде участвует только соответствующее государство-участник; возможность участия третьих лиц в производстве по жалобе (ст. 36 абз. 2 ЕКПЧ) не является институциональным эквивалентом тем правам и обязанностям, которые имеет сторона процесса или иные лица, допущенные к участию в исходном национальном процессе» [4].

Исходя из всего вышеизложенного, мы приходим к выводу, что ФКС Германии устанавливает четкие рамки взаимодействия между двумя юрисдикциями, основанные на признании ограниченного юридического эффекта Конвенции на национально-правовую систему. ФКС устанавливает, что «право Конвенции не пользуется автоматически приоритетом перед другим федеральным правом, особенно если оно в этой связи не было до этого предметом решения ЕСПЧ» – в этом явно просматриваются элементы дуалистического подхода. Юридический эффект решений ЕСПЧ ФКС видит в использовании этих актов в *«качестве помощи для интерпретации»* немецких основных прав. Случай неверного применения или несоблюдения международно-правовых обязательств немецкими судами находятся в исключительной компетенции ФКС. Эти компетенции ФКС и реализует, разрешая спорный вопрос с учетом позиции ЕСПЧ. Тезис о том, что ФКС фактически изменил свою позицию, высказанную в деле Görgülü в ряде новых решений¹, не разделяется автором, и является, по нашему мнению, попыткой уменьшить значение этого решения.

В этой связи уместно вспомнить историю отношений ФКС и другого наднационального органа – Европейского суда справедливости (European Court of Justice), который также притязал на роль «верховного арбитра», пытаясь вторгнуться в сферу конституционного регулирования [8].

ФКС ответил постановлением Solange I. В этом решении Суд (также как и в деле Görgülü) отказался признать примат наднационального регулирования [5]. Модель судебного сотрудничества, предложенная в этом деле, предполагала, что наднациональный орган имеет исключительное право толкования на своем уровне, а национальный суд обладает компетенцией самостоятельно определять границы интеграции наднациональных норм

¹ BVerfG. 4.05.2011. 2 BvR 2365/09, 2 BvR 740/10, 2 BvR 2333/08, 2 BvR 1152/10, 2 BvR 571/10.

(доктрина контролимитов). Во многом сходной позиции придерживается конституционный суд Италии, заявляя о своем праве на конституционный контроль тех актов ЕС, при принятии которых Союз действовал за рамками своей компетенции (*ultra vires*) [6]. Представляется, что схожий подход был использован ФКС и в деле Görgülü. Таким образом, прослеживается определенная преемственность позиций ФКС в линии на отстаивание своей конституционной идентичности.

На целесообразность такого сопоставления также указывает А. С. Исполинов. По его мнению, история взаимоотношений Европейского суда справедливости и национальных юрисдикций не получила должного внимания в отечественной доктрине, что «вносит свою лепту в наше восприятие действий КС РФ как некоего исключения, достойного сожаления и всяческого порицания» [1].

По нашему мнению, в указанных выше позициях ФКС развивает и формализует положения доктрины контролимитов и выделяет особую область правовой регуляции, обладающую «иммунитетом» в отношении решений органов международного правосудия, которую он именует «конституционным ядром». Также просматриваются определенные аналогии в постановке темы конституционной идентичности в практике ФКС и правовых позициях Конституционного суда РФ, методологически это во многом сходные подходы. Очевидно, российский орган конституционного правосудия учитывал позиции ФКС в своем Постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П.

В связи с этим необходимо подробнее рассмотреть доктрину контролимитов и связанный с ней концепт «конституционной идентичности». Понятие контролимитов, возникает в итальянской правовой доктрине, его автором, по общему признанию, является Паоло Бариле. Его подход подразумевал ограниченный юридический эффект права ЕС и ООН в национальной правовой системе, степень интеграции наднациональных норм основывалась на их соответствии высшим конституционным принципами. Эти принципы признавались барьером (контролимитом), своего рода пределом для действия коммунитарных норм. С момента своего появления данная доктрина получила формальное подкрепление в соответствующих решениях конституционных судов Италии и Германии. В Решении Конституционного суда Италии от 27 декабря 1973 года № 183/73, по делу Frontini и в решении Федерального конституционного суда Германии от 25 мая 1974 года (Solange I) были сформулированы основные положения данной доктрины [5;6]. Национальные органы конституционного правосудия в этих решениях приходят к сходным выводам: несмотря на признание верховенства права ЕС, в случае если данные нормы будут противоречить «основополагающим принципам конституционного строя» или «фундаментальным конституционным правам» они не могут быть применимы во внутригосударственном праве.

Необходимо отметить, что доктрина контрилимитов использовалась при оценке конституционности не только международных обязательств вытекающих из права Союза. Наиболее показательным здесь является Решение Конституционного суда Италии от 22 октября 2014 года № 238, в котором действие доктрины контрилимитов распространяются на обязательства, вытекающие из Устава ООН (ст. 94 исполнение решений Международного суда ООН) [7].

Также в контексте нашего исследования необходимо рассмотреть понятие «конституционной идентичности». Развитие данного концепта в правовой плоскости восходит к упоминанию в Лиссабонском Договоре в (ст. 4) термина «национальная идентичность». Согласно положению данной статьи, Союз обязался уважать национальные идентичности государств-членов. При этом под национальной идентичностью понимаются наиболее фундаментальные конституционные основы национальных правопорядков. Впоследствии на основе данного положения конституционные суды (в частности, в Германии и Италии) разработали свои концепты «конституционной идентичности» (являющиеся по сути своего рода эвфемизмом суверенитета). Так, Конституционный Суд ФРГ в деле Solange I под «конституционной идентичностью» понимает «основным положениям Конституции ФРГ». Конституционный суд Италии использует данный термин в значении: «основополагающие принципы конституционного строя и неотчуждаемые права человека» [5; 6]. Представляется, что аналогичного толкования придерживается и Конституционный суд РФ. В Постановлении от 19 апреля 2016 г. № 12-П используется концепт «национальной правовой идентичности», под которой понимаются «внутригосударственные нормы о фундаментальных правах и нормы об основах конституционного государственного строя» [3]. Важность этого концепта сложно переоценить, т.к. он используется в правопорядках Германии и Италии как легальное основание для проверки конституционности актов международных организаций (ЕС и ООН).

В заключение необходимо отметить, что прослеживается определенная преемственность позиций ФКС в деле Görgülü и Solange I. Автор усматривает ее в принципиальной линии на отстаивание своей конституционной идентичности. В связи с этим особое внимание стоит уделить изучению доктрины контрилимитов в контексте взаимодействия международных судов и национальных органов конституционного правосудия. Продуктивным направлением для исследования, по нашему мнению, является сопоставление кейсов связанных с ЕСПЧ с кейсами European Court of Justice и других международных судов.

Также мы полагаем, что опыт взаимодействия ФКС Германии с международными судами (ЕСПЧ и European Court of Justice), может стать ориентиром для российской

судебной практики, т.к. Конституционный суд постоянно находится в поиске новых аргументов в своей «борьбе» с актами ultra vires ЕСПЧ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исполинов А. С. Это есть их последний и решительный бой? Конституционные суды Европы против европейских международных судов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2017/2/20/eto_est_ih_poslednij_i_reshitelnyj_boj_konstitucionnye_sudy_evropy_protiv_evropejskih_mezhdunarodnyh (дата обращения 06.10.2019).
2. Hartwig M. Vom Dialog zum Disput? Verfassungsrecht vs. Europäische Menschenrechtskonvention – Der Fall der Russländischen Föderation // Europäische Grundrechte Zeitschrift (EuGRZ). – 44 (2017). – S. 1–23.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс» (дата обращения 06.10.2019).
4. Дело Гёргюлю: Решение Федерального конституционного суда Германии от 14 октября 2004 года (№ 2 BvR 1481/04). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dpp.mpil.de/04_2015/04_2015_81_105.pdf (дата обращения: 06.10.2019).
5. Решение Федерального конституционного суда Германии от 25 мая 1974 года BverfGE 37, 271 2 BvL 52/71 Solange I – Beschluß. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://law.utexas.edu/transnational/foreignlawtranslations/german/case.php?id=588> (дата обращения 06.10.2019).
6. Решение Конституционного суда Италии от 27 декабря 1973 года N 183/73. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.giurcost.org/decisioni/1973/0183s-73.html> (дата обращения 06.10.2019).
7. Решение Конституционного суда Италии от 22 октября 2014 года № 238. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.qil-qdi.org/prova-3/#_ftnref1 (дата обращения 06.10.2019).
8. ECJ, Постановление от 17 декабря 1970 года, internationale Handelsgesellschaft, C.-11/70. Rec. 1125.

ПОСКРЯКОВ Р. С.
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В данной статье анализируются подходы к сущности искусственного интеллекта, рассматривается его соотношение с понятием электронного правосудия. Приводятся предложения о возможности дополнительного использования искусственного интеллекта в судебной деятельности. Предлагаются области судебного делопроизводства, где искусственный интеллект может быть использован.

Ключевые слова: искусственный интеллект, электронное правосудие, правосудие, судебная деятельность, судебное делопроизводство, судебная статистика, автоматизация судебной деятельности.

POSKRYAKOV R. S.
THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN JUDICIAL WORK

Abstract. This article analyzes the approaches to the concept of artificial intelligence and its connection with the concept of e-justice. Suggestions are given on the possibility of additional use of artificial intelligence in judicial work. The author proposes the areas of judicial office-work in which artificial intelligence can be used.

Keywords: artificial intelligence, e-justice, justice, judicial work, judicial office-work, judicial statistics, automation of judicial work.

Вопросы внедрения и использования искусственного интеллекта (далее – ИИ), безусловно, являются одними из самых актуальных и дискуссионных на современном этапе развития общества. Например, российские граждане не против, чтобы ИИ занимался налогами и социальным обеспечением, но при этом опасаются возможной потери работы, в частности, в госсекторе [1].

Несмотря на всю важность ИИ для современного общества, легального определения данного понятия в российском законодательстве долгое время не давалось. В настоящее время определение ИИ содержится, например, в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (с оговоркой – «только для целей Стратегии»). По ИИ в названном документе понимается «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека» [2].

В науке по вопросу понятия искусственного интеллекта высказываются различные точки зрения, а подход к интерпретации этого определения во многом зависит от целей, для которых это понятие разрабатывается [3, с.74].

Приведем некоторые позиции, высказанные учеными по данному вопросу. Так, по мнению И. В Понкина и А. И. Редькиной, «ИИ – искусственная сложная кибернетическая компьютерно-программноаппаратная система (электронная, в том числе — виртуальная, электронномеханическая, био-электронно-механическая или гибридная) с когнитивно-функциональной архитектурой и собственными или релевантно доступными (приदанными) вычислительными мощностями необходимых емкостей и быстродействия, обладающая рядом свойств...» [4, с.95]. П. М. Морхат определяет ИИ как полностью или частично автономную самоорганизующую компьютерно-программную виртуальную или киберфизическую, в том числе биокибернетическую, систему (юнит), наделённую/обладающую определенными способностями и возможностями...» [5, с. 94]. Д. Р. Латфуллина считает, что сегодня под ИИ понимается разрозненный набор задач, направленных на создание специализированных устройств и технологий [6, с. 513].

Однако, на наш взгляд, ключ к правильному пониманию сути данного феномена даёт подход Т. А. Гавриловой. На английский язык ИИ переводится как «Artificial Intelligence». Важно то, что слово «intellect» не тождественно «intelligence». «Intellect» в переводе с латинского означает «понимание» или «рассудок»; «intelligence» – всего лишь способность рассуждать разумно [7]. Таким образом, ИИ – это модель, подобие человеческого интеллекта, к которому он наиболее приближен. Поэтому, во-первых, способность что-то делать в машину нужно заложить, а сделать это может только человек. Во-вторых, ИИ будет алгоритмичен и не способен к преобразованиям. Исходя из этого, на наш взгляд, основное отличие ИИ от интеллекта естественного – бессознательность. А именно сознание, обладающее признаками целеполагания, целесообразности и творчества [8], является одним из основополагающих начал правосудия и справедливого судебного разбирательства.

Отдельно стоит отметить соотношение ИИ с электронным правосудием. Нам наиболее близка позиция Н. А. Петухова и М. В. Чижова, в соответствии с которой термин «электронное правосудие» некорректен – в его содержание не входит само правосудие, то есть деятельность суда по разрешению споров и рассмотрению дел, осуществляется в установленной законом процессуальной форме, обеспечивающая законность, обоснованность и справедливость судебных актов; соответственно вместо данного определения стоило бы оперировать термином «электронное обеспечение судебной деятельности» [13, с.17]. Однако, в связи с тем, что в доктрине и в юридической практике наиболее распространен именно термин «электронное правосудие», целесообразнее

употреблять его в интерпретации А. В. Тищенко, понимая под ним «осуществление судами разрешения правовых конфликтов путём совершения процессуальных действий посредством электронного документооборота и системы видео-конференц-связи, результаты которого отображаются в информационной системе» [14, с. 66-67]. Следовательно, ИИ служит инструментом, посредством которого осуществляется электронное правосудие.

С учетом всего вышесказанного ИИ следует применять на принципах ограниченности, выборочности и приоритета решения человека. Нельзя доверять машине принимать решения, которые непосредственно касаются судеб многих людей. ИИ должен быть лишь помощником, на которого юрист перекладывает часть своей рутинной работы, не требующей творческого и разумного начала. Излишнее применение ИИ может привести к негативному исходу. Такая ситуация тем более не может быть допустима в отправлении правосудия, где необходимо именно человеческое участие. Обратимся к законодательству. Например, ст. 17 УПК РФ обязывает участников судебного процесса оценивать доказательства, по внутреннему убеждению, руководствуясь при этом законом и совестью. Статья 67 ГПК гласит: «суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств». Такие нравственные категории не знакомы ИИ. Принятая недавно на уровне Совета Европы Хартия об этических принципах применения искусственного интеллекта в судебных системах призывает не отдавать само отправление правосудия в руки ИИ [15].

Но, естественно, судебная деятельность не может оставаться в стороне от общих тенденций развития общества, в том числе и в процессах цифровизации. На наш взгляд, ИИ должен внедряться в сферу судебной деятельности по двум основным направлениям: судебное делопроизводство и судебная статистика.

Во многом это стало реальностью уже в настоящее время благодаря использованию автоматизированных информационных систем. В судах общей юрисдикции это, например, Государственная автоматизированная система «Правосудие» (ГАС «Правосудие». Московские суды оснащены Комплексной информационной системой судов общей юрисдикции (КИС СОЮ), включающей в себя различные базы и подсистемы: аудио- и видеозаписи судебных заседаний и видео-конференц-связи, системой автоматизированной публикации информации о рассмотренных в суде делах и материалах, центр обработки данных и др. Реальностью является автоматизированное распределение судебных дел с учетом загруженности судей, графика их работы, специфики дела и прочих критериев. Существенную помощь аппарату суда ИИ оказывает в ведении статистической отчетности. Таким образом, ИИ достаточно широко используется в современной судебной деятельности.

Но использование ИИ в судебном делопроизводстве можно и расширить. Например, можно упростить работу аппарата суда благодаря внедрению технологий, которые уже используются в промышленности. Так, роботы Baxter и Sawyer способны выполнять несложную работу [9], при этом, что немаловажно, работник суда может сам обучить его нужным действиям, делая его практически универсальным [10, с. 48]. Эти роботы будут полезны на любом этапе судебного делопроизводства. При подаче искового заявления и принятии дела к производству машина может помочь разобраться с документами, их упорядочить, сформировать дело. ИИ самостоятельно сделает рутинную работу, и ощутимо сбережёт драгоценное время работников суда: распечатает копии, рассортирует бумаги, сошьёт дело. Также нередко в суде приходится сталкиваться с такой монотонной, но очень важной работой, как отправление корреспонденции или формирование судебных повесток, что занимает значительное количество времени. Роботы могут быть полезны в оформлении корреспонденции, а при условии загрузки в них определённых данных могут, например, без участия человека сформировать документы по готовому шаблону, оказать помощь в переписке с другими органами власти. На этапе рассмотрения дела в суде робот представляется хорошим организационным подспорьем, начиная от нахождения среди множества дел нужного до оперативного приобщения новых документов.

Большую пользу робот может приносить в судебных архивах. Он может рассортировать старые дела и те, которые поступают впервые; при необходимости менять их расположение по различным основаниям (дата, этап и т.д.); находить и доставлять потребовавшееся дело. Применение этих или подобных роботов значительно упростит жизнь организационных структур судов.

Не лишена перспективы идея внедрить ИИ для быстрой и удобной обработки данных. Система Watson Discovery, разработанная компанией IBM способна учитывать большое количество документов с последующим их анализом и формулированием итогов [11]. В данный момент эта технология успешно применяется в медицине [10, с.48], но, на наш взгляд, может быть использована и в судебной деятельности, поскольку спектр её внедрения невероятно широк. Например, возможно его применение при организации рассмотрения дела по существу, если в нем фигурирует большое количество фактов, документации, переписок и прочих документов, между которыми существует связь. Чтобы разобраться со всем, выявить имеющиеся связи, человеку понадобится не один день, тогда как ИИ справится с этой задачей за считанные секунды.

Второе затронутое направление – статистическое. Уже упомянутый выше суперкомпьютер IBM Watson имеет функцию взаимодействия с клиентами и обобщения полученной информации [12]. Такая автоматизация позволила бы не только улучшить

процесс изучения общественного мнения об организации и качестве судебной системы, но и выработать объективные направления по её улучшению. Конечно, оборудовать каждый районный суд суперкомпьютером не представляется возможным, но изучение самого метода, а также внедрение более доступных аналогов кажется вполне реальной задачей.

Таким образом, необходимость и перспективность использования искусственного интеллекта в судебной деятельности не вызывают сомнения. Но многие вопросы его применения требуют правового регулирования. Так, например, в соответствии с пунктом 48 Указа Президента РФ «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», вопросы, касающиеся взаимодействия человека с искусственным интеллектом, подлежат правовой регламентации; а подпункт «ж» пункта 49 предполагает в качестве одного из направлений создания системы регулирования общественных отношений, возникающих в связи с развитием и внедрением технологий искусственного интеллекта, разработку этических правил взаимодействия человека с искусственным интеллектом.

В заключение хотелось бы отметить, что технологии всё увереннее проникают в нашу жизнь. Уже сложно найти сферу человеческой деятельности, в которой не использовались бы современные разработки. В эпоху постиндустриализма нужно помнить: отрицать перемены – значит идти против естественного и закономерного развития общества. Это и не нужно. Важно не бояться нового, а изучать и разумно использовать его не только для удобства конкретных людей, но и в интересах общества в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Искусственный интеллект напугал россиян [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://360tv.ru/news/obschestvo/iskusstvennyj-intellekt-napugal-rossijan/> (дата обращения 23.10.2019).
2. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения 23.10.2019).
3. Морхат П. М. К вопросу о правовой дефиниции термина «искусственный интеллект» // Вестник МПГУ. Серия «Юридические науки». – 2018. – №2 (30). – С. 74-80.
4. Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». – 2018. – Т.22. – № 1. – С. 91-109.

5. Морхат П. М. К вопросу о юридическом понимании искусственного интеллекта // Аграрное и земельное право. – 2017. – №11(155). – С. 89-95.
6. Латфуллина Д. Р. Человеческий разум и искусственный интеллект // Учёные записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». – 2018. – Т.14. – С. 512-516.
7. Лагутенков А. Место искусственного интеллекта в мире людей и место людей в мире искусственного интеллекта [Электронный ресурс] // Наука и жизнь. – 2018. – № 2. – Режим доступа: <https://www.nkj.ru/archive/articles/33323/> (дата обращения 23.10.2019).
8. Антюшин С. С., Горностаева Л. Г. Философия: учебник для студентов юридического вуза. – М.: РГУП, 2016. – 515 с.
9. Baxter Robots in Action - Customer Montage [Видеозапись]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=oD9DE0HjMM4> (дата обращения 23.10.2019).
10. Солнцева О. Г. Аспекты применения технологий искусственного интеллекта // E-MANAGEMENT. – 2018. – Т. 1. – №1. – С. 43-51.
11. IBM. Режим доступа: <https://www.ibm.com/watson/services/discovery/> (дата обращения 23.10.2019).
12. IBM. Режим доступа: <https://www.ibm.com/watson/voice-of-the-customer/> (дата обращения 23.10.2019).
13. Петухов Н. А., Чижов М. В. Соотношение понятий «правосудие» и «электронное правосудие» // Российское правосудие. – 2015. – № 6. – С. 13-18.
14. Тищенко А. В. Электронное правосудие: судебное реформирование к 2020 году // Правопорядок: история, теория, практика. – 2018. – 4 (19). – С. 65-69.
15. Совет Европы. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.coe.int/en/web/portal/home> (дата обращения 14.11.2019).

КОЖЕВНИКОВА Е. И., ЧИРАНОВА И. П.
К ВОПРОСУ О ЗАКЛЮЧЕНИИ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА
С НАУЧНЫМИ РАБОТНИКАМИ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности российского законодательства относительно определения понятия научного работника, требований к порядку заключения трудового договора с ним. В статье также анализируются локальные нормативные акты ведущих университетов Российской Федерации касательно подходов к процедуре заключения договора с научными работниками.

Ключевые слова: научный работник, трудовой договор, конкурсный отбор, конкурсная комиссия, срок трудового договора.

KOZHEVNIKOVA E. I., CHIRANOVA I. P.

ON CONCLUDING EMPLOYMENT CONTRACT WITH RESEARCH FELLOWS

Abstract. The article deals with the peculiarities of the Russian legislation regarding the definition of the concept of a research fellow, the requirements for the procedure for concluding an employment contract with him. The article also analyzes the local regulations of the leading universities of the Russian Federation regarding the approaches to the procedure of concluding a contract with research fellows.

Keywords: research fellow, employment contract, competitive selection, competitive commission, employment contract term.

Согласно Указу Президента от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [3], одним из актуальнейших направлений политики в Российской Федерации выбрано постепенное увеличение темпов технологического развития и улучшения условий деятельности работников научной сферы. Целями данного нормативно-правового акта являются не только повышение затрат на оборудование и поддержка научной деятельности, но и полное реформирование правовой базы, касающейся порядка регулирования труда научных работников.

В Российской Федерации научным работником (исследователем) согласно Федеральному закону от 23 августа 1996 года «О науке и государственной научно-технической политике» признается гражданин, обладающий необходимой квалификацией и профессионально занимающийся научной или научно-технической деятельностью. Данная категория работников осуществляет свою деятельность в научных организациях, организациях, осуществляющих образовательную деятельность по реализации

образовательных программ высшего образования и дополнительных профессиональных программ, а также в иных организациях, осуществляющих научную и (или) научно-техническую деятельность [2, ст. 4].

Особенности научных работников как отдельной категории работников и специфичность их трудовых обязанностей обусловили введение специальной главы в Трудовом кодексе РФ, которая содержит специальные требования к порядку заключения и расторжения с ними трудового договора. Однако не исключается действие общих требований кодекса к трудовому договору.

Возникновение, изменение и прекращение правовых отношений обусловлено наступлением конкретных социальных обстоятельств (событий, действий) - юридических фактов [9, с. 3]. В обычных трудовых отношениях данным юридическим фактом является трудовой договор, который регулирует порядок взаимоотношений между работником и работодателем. Однако трудовые отношения могут возникать вследствие наступления других фактических обстоятельств. Так, статья 16 Трудового кодекса перечисляет юридические факты, которые признаются основанием для наступления трудовых правоотношений, одним из которых является избрание по конкурсу на замещение соответствующей должности.

В статье 336.1 Трудового кодекса указывается, что заключению трудового договора на замещение или по переводу на должность научного работника предшествует конкурсный отбор на соответствующую должность. Однако сам кодекс не содержит понятия «конкурса», который проходит до заключения трудового договора с научным работником.

В Приказе Минобрнауки РФ от 02 сентября 2015 года № 937 «Об утверждении перечня должностей научных работников, подлежащих замещению по конкурсу, и порядка проведения указанного конкурса» раскрывает конкурс как оценку профессионального уровня претендента на должность, его достижений и соответствия другим требованиям, которую устанавливает каждая организация самостоятельно [4, п. 3]. Эти требования должны содержаться в специально утвержденном в каждой организации положении, регламентирующее порядок конкурса и требования к каждой из должности.

Так, в Положении о порядке замещения должностей научных работников ФГБОУ ВО «НИ МГУ им. Н.П. Огарёва» (далее – МГУ им. Н.П. Огарёва) конкурс определяется как оценка профессионального уровня претендента на замещение должностей научных работников или перевода на соответствующие должности научных работников в Университете, исходя из ранее полученных претендентом научных и (или) научно-технических результатов, их соответствия установленным квалификационным требованиям к соответствующей должности, а также научным и (или) научно-техническим задачам,

решение которых предполагается претендентом [5, п. 1.5]. Соответствующие квалификационные требования к каждой из должностей научных работников оформлены Приложениями к данному Положению о замещении должностей. При этом такую же трактовку содержит и Положение о порядке проведения конкурса на замещение должностей научных работников в Университете имени О. Е. Кутафина (далее – МГЮА им. О.Е. Кутафина) [6, п. 1.4] и в ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (далее – СГЮА) [8, п. 7].

Конкурсный отбор осуществляется конкурсной комиссией, которая также должна быть определена в соответствии с положением в каждой организации, при этом состав данной комиссии определяется самой организацией, за исключением указанных законом обязательно присутствующих в ней руководителя организации, представителей выборного органа соответствующей первичной профсоюзной организации, некоммерческих организаций, являющихся получателями и (или) заинтересованными в результатах (продукции) организации, а также ведущие ученые, приглашенные из других организаций, осуществляющих научную, научно-техническую, инновационную деятельность сходного профиля [4, п. 4]. Состав конкурсной комиссии в МГУ им. Н.П. Огарёва определяется лишь в порядке необходимости, не предполагая постоянного органа, выполняющего соответствующие функции комиссии [5, п. 3.3]. Однако МГЮА им. О. Е. Кутафина в своем положении прямо указывает, что помимо членов, обязательных по закону, в состав конкурсной комиссии также входят заместитель председателя, секретарь, члены комиссии из числа руководителей и представитель Управления кадров [7, п. 3.1]. В СГЮА состав определен более конкретнее: функции конкурсной комиссии выполняют постоянно действующий выборный представительный орган Академии – ученый совет, но указывается, что состав может быть изменен ректором в зависимости от ситуации [8, п. 10].

Трудовой кодекс прямо не содержит конкретный перечень должностей научных работников, которые замещаются по конкурсу, отсылая на Приказ Минобрнауки [4, п. 1]. Последний указывает, что такими должностями являются:

- заместитель директора (заведующего, начальника) по научной работе;
- главный (генеральный) конструктор;
- директор (заведующий, начальник) отделения (института, центра), находящегося в структуре организации;
- руководитель научного и (или) научно-технического проекта;
- заведующий (начальник) научно-исследовательского отдела (лаборатории);
- заведующий (начальник) конструкторского отдела (лаборатории);

- заведующий (начальник) центра (отдела) (патентования, научной и (или) научно-технической информации, коллективного пользования научным оборудованием, коммерциализации результатов научной и (или) научно-технической деятельности);
- главный научный сотрудник;
- ведущий научный сотрудник;
- старший научный сотрудник;
- научный сотрудник;
- младший научный сотрудник/инженер-исследователь.

Перечень должностей является исчерпывающим и не может быть расширен в зависимости от желания работодателя и других лиц. При этом Н. В. Черных указывает, что данный перечень является крайне неудачным, поскольку научные организации сами утверждают свое штатное расписание и, соответственно, наименование должностей и отделов, что может привести к исключению некоторых должностей из-под обязанности заключения трудового договора после конкурсного отбора. Одной из проблем, по мнению ученого, является также то, что данные требования ориентированы на работников научных организаций, однако на должности научных работников, замещающих данные должности в образовательной организации, совершенно не учтены законодательством [10, с. 117].

Конкурсный отбор не проводится, когда научный работник принимается на работу по совместительству на срок не более одного года, а также если он принимается для замещения временно отсутствующего работника, за которым в соответствии с законом сохраняется место работы, до выхода этого работника на работу.

Трудовой кодекс определяет, что с научными работниками договор может быть либо срочным, либо бессрочным в зависимости от соглашения работника и работодателя относительно данных условий. При соответствии претендента на желаемую ему должность научного работника, организация может заключить с ним как бессрочный, так и срочный трудовой договор на срок не более пяти лет. Работникам, которые уже трудились в организации, однако проходили конкурсный отбор на замещение ранее занимаемой ими должности вследствие истечения срока предыдущего трудового договора, трудовой договор может не заключаться, однако срок трудового договора подлежит уточнению, поскольку он может быть снова заключен на пять и менее лет, или быть бессрочным. Однако при переводе работника, ранее замещавшему должность в научной организации, на другую должность научного работника, заключение трудового договора неизбежно, при этом срок трудового договора также может быть либо снова определен, либо нет.

При этом учреждения сами определяют срок заключения договора с научными работниками. Закон прямо указывает, что трудовые договоры могут заключать на срок не более пяти лет или бессрочно. Однако в своих положениях учреждения часто отходят и не указывают возможность заключения договора на неопределенный срок. Так, СГЮА и МГЮА им. О. Е. Кутафина указывают, что трудовые договоры заключаются на срок не более пяти лет [6, п. 3.2]. В МГУ им. Н.П. Огарёва Положение повторяет предписания Трудового Кодекса и заключает трудовые договоры с научными работниками на определенный срок не более пяти лет или на неопределенный срок [5, п. 4.3.1].

Однако существуют категории научных работников, с которыми заключение срочного договора обязательно. Так, для руководителей и заместителей руководителя закреплена обязанность заключения трудового договора только на определенный срок, при этом срок заместителя руководителя не может превышать срок окончания должностных полномочий руководителя организации [1, ст. 336.2].

Таким образом, в Трудовом кодексе предусмотрен специальный порядок заключения трудового договора с научными работниками: обязательный конкурс отбор может не проводиться лишь в отдельных, предусмотренных законом случаях. Данный порядок служит гарантом справедливого назначения действительно подходящего человека на должность научного работника, поскольку конкурентная основа через призму соотношения баллов за всю научную деятельность претендентов дает действительные основания полагать, что научным работником может быть лишь лучший из лучших кандидатов, что будет служить активному развитию науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. N 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – N 1(ч.1). – Ст. 3.
2. Федеральный закон от 23.08.1996 N 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 127. – Ст. 4137.
3. Указ Президента РФ от 07.05.2018 N 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – N 20. – Ст. 2817.
4. Приказ Минобрнауки России от 02.09.2015 N 937 «Об утверждении перечня должностей научных работников, подлежащих замещению по конкурсу, и порядка проведения указанного конкурса» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 19.10.2019).

5. Положение о порядке замещения должностей научных работников федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва» от 30.08.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mrsu.ru/ru/i_depart/docs.php?ELEMENT_ID=60017 (дата обращения 30.10.2019).

Положение о порядке проведения конкурса на замещение должностей научных работников в Университете имени О. Е. Кутафина от 24.05.2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://msal.ru/upload/struktura/sovets/uch_sovet/24.05.17.pdf (дата обращения 28.10.2019).

6. Положение о конкурсной комиссии по проведению конкурса на замещение должностей научных работников в Университете имени О. Е. Кутафина от 24.05.2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://msal.ru/upload/struktura/sovets/uch_sovet/24.05.17.pdf (дата обращения 30.10.2019).

7. Положение о порядке проведения конкурса на замещение должностей научных работников в ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» от 10.01.2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://сгюа.рф/documents/asp_doc/Polozhenie_o_poryadke_provedenia_konkursa_na_zameschenie_dolzhnostey_nauchnykh_rabotnikov.pdf (дата обращения 28.10.2019).

8. Исаков В. Б. Юридические факты в российском праве. – М.: Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 1998. – 48 с.

9. Черных Н. В. Дифференциация в регулировании труда научных работников // Вестник университета имени О. Е. Кутафина. – 2017. – С. 114-123.

САЕНКО М. М., СТРИЖАНОВ А. В.
**ПОРЯДОК ДЕЙСТВИЙ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ ПЕРЕД
ПРОИЗВОДСТВОМ ВЫСТРЕЛА ИЗ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ**

Аннотация. В статье рассматриваются необходимые действия сотрудников полиции перед применением оружия, представляется правильный и рациональный подход к действиям сотрудников органов внутренних дел перед применением оружия. Статья также устанавливает порядок пользования оружием сотрудниками органов внутренних дел на различных этапах деятельности.

Ключевые слова: выстрел, требования, ответственность, материал, предупреждение.

SAENKO M. M., STRIZHANOV A. V.
PROCEDURE FOR A POLICE OFFICER BEFORE FIRING A GUN

Abstract. The article considers the actions required from police officers before the use of weapons. The study presents a correct and rational approach to the actions of police officers before the use of weapons. The article also describes the procedure for the use of weapons by employees of internal affairs bodies at various stages of their activities.

Keywords: shot, requirements, responsibility, material, warning.

Актуальность данной статьи заключается в правильных и поэтапных действиях сотрудника полиции перед производством выстрела из оружия. Федеральный закон «О полиции» [1] не только закрепляет основания «применения» огнестрельного оружия, но также устанавливает порядок пользования им. Данные правила пользования огнестрельным оружием разъясняют, как и в каком порядке должен действовать сотрудник полиции при применении оружия. Существует три этапа, являющиеся основными. Именно они четко отражают какие действия должен предпринять сотрудник перед применением, в момент и после производства выстрела.

Хронология и важность выполнения действий на каждом из этапов зависит только лишь от создавшейся вокруг ситуации. Необходимым является рассмотрение правильного и рационального подхода и порядка действий сотрудников органов внутренних дел перед производством выстрела (возможно, предупредительного). Далее разберем логический порядок действий.

1. Сотрудник полиции обязан проинформировать лицо, в отношении которого может быть применено огнестрельное оружие, о том, что имеет отношение к полиции, органам внутренних дел в целом. В соответствии с ч. 4 чт. 5 ФЗ «О полиции» «При обращении к гражданину сотрудник обязан: 1) назвать свои должность, звание, фамилию, предъявить по

требованию гражданина служебное удостоверение, после чего сообщить причину и цель обращения; 2) в случае применения к гражданину мер, ограничивающих его права и свободы, разъяснить ему причину и основания применения таких мер, а также возникающие в связи с этим права и обязанности гражданина» [1].

Каждая сложившаяся ситуация развивается по-разному, поэтому перечисленные выше нормы заставляют сотрудника поставить в известность нападающее или задерживаемое лицо о принадлежности к полиции. На практике по данному поводу редко требуются специальное учреждение, потому что сотрудники находятся по форме и в условиях достаточной видимости.

Но, к сожалению, в реальной жизни случаются непредсказуемые происшествия, при которых создается плохая видимость, либо попросту сотрудник находится не в форменной одежде. При таком стечении обстоятельств сотрудник должен четко и громко дать понять окружающим лицам о своем должностном статусе, и, если потребует ситуация, показать служебное удостоверение.

Однако сотрудники органов внутренних дел на практике часто сталкиваются с обстоятельствами, требующими внезапного вмешательства сотрудника в создавшуюся вокруг него ситуацию. Представим, что в какой-либо государственный или муниципальный орган ворвались вооруженные бандиты, и для того, чтобы данная ситуация не привела к пагубным последствиям, рациональным решением будет притвориться каким-либо работником данного заведения и без предупреждения обнажить огнестрельное оружие и при необходимости прибегнуть к применению.

2. Обнажение огнестрельного оружия и приведение его в готовность для производства выстрела. На основании ч.1 ст.24 Федерального закона «О полиции» сотрудник полиции имеет право «обнажить огнестрельное оружие и привести его в готовность, если в создавшейся обстановке могут возникнуть основания для его применения...». Федеральный закон в своих нормах предусматривает и предоставляет время для подготовки к приведению к готовности оружие, когда сложившаяся вокруг обстановка протекает в напряженном режиме и не понятно, какое противоправное деяние может произойти с минуты на минуту. Полный перечень действий в данном Законе не раскрыт из-за несовершенной правовой законодательной базы, поэтому перечень действий зависит от того, в каком исходном положении оружие находится [2].

Ниже приведен перечень ситуаций, при которых обнажение огнестрельного оружия будет обоснованным. К ним относится:

1) осмотр тех объектов, на которых сработала сигнализация (жилые помещения, магазины);

2) преследование транспортного средства, которое при многократных требованиях сотрудников не остановилось по требованию сотрудника;

3) в ночное время осмотр подвалов, чердаков, заброшенных зданий и иных опасных мест;

4) доставление в полицию лица, физически превосходящего сотрудника полиции [4, с. 308].

При любом решении об извлечении оружия необходимо руководствоваться создавшейся обстановкой. Также решение должно быть основательным, чтобы в будущем к сотруднику не было дополнительных вопросов и не произошли неблагоприятные для него последствия. Так, сотрудник органов внутренних дел может понести уголовную ответственность за совершение неосторожных действий с оружием и будет произведен выстрел, который впоследствии может причинить кому-либо тяжелый вред, если отсутствуют законные для этого основания.

3. Предупреждение сотрудником полиции лица, в отношении которого возможно использовано огнестрельное оружие, о намерении применить его. Нормы ст.19 Федерального закона «О полиции» обязывают сотрудника полиции перед применением оружия сообщить лицам, в отношении которых может быть оно применено, о своём намерении, а также дать им время для осознания и выполнения требований сотрудника полиции. Но имеется и ряд исключений, в которых допускается без предупреждения использовать огнестрельное оружие, если промедление создаст угрозу для любого находящегося в опасности лица. Также промедление применения оружия неприемлемо в ситуациях, которые могут повлечь такие тяжкие последствия, как взрыв, железнодорожную катастрофу, утечку ядовитых веществ и т.п.

Данное предупреждение производится либо подачей голоса (громко и ясно), либо предупредительным выстрелом вверх или в другом безопасном направлении. Считаем, для того чтобы пресечь тяжкие (тем более особо тяжкие) преступления, будет правильным произвести предупредительный выстрел в сторону правонарушителя для того, чтобы посягающее лицо осознало, что к нему могут быть применены жесткие меры [3].

Таким образом, следует отметить, что роль предупреждения о применении огнестрельного оружия находит своё отражение в следующем: сотрудник полиции ориентируется на принятие различных мер, не связанных с применением оружия для отражения нападения или осуществлении задержания преступника; информировать о применении огнестрельного оружия в отношении правонарушителя либо голосом либо выстрелом, что даёт правонарушителю убедиться в серьезности намерений со стороны полиции; а также о случаях, когда сотруднику полиции разрешено прибегнуть к применению

оружия без предупредительного выстрела для более эффективного выполнения своих служебных обязанностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 07.02.2011 N 3-ФЗ «О Полиции» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900.
2. Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 51. – Ст. 5681.
3. Демченко Н. В., Волков П. А., Панфилова О. В. Особенности применения сотрудниками органов внутренних дел физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия // Ленинградский юридический журнал. – 2015. – № 1. – С. 191-199.
4. Огневая подготовка. Пути повышения профессионального мастерства: учебное пособие для вуза / под ред. Г. Н. Будгаянц. – Луганск, 2006. – 350 с.

ШИГУРОВА Е. И., ПИЛЮГИНА М. В.
ВОЗБУЖДЕНИЕ ДЕЛ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ:
НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИХ РЕШЕНИЮ

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы возбуждения уголовных дел частного обвинения. На основе анализа последних изменений уголовно-процессуального законодательства и практики его применения, авторами выделены новые проблемы в процессуальном порядке принятия и рассмотрения заявления по делу частного обвинения.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, заявление потерпевшего, требования, частное обвинение, мировой судья, примирение.

SHIGUROVA E. I., PILYUGINA M. V.
INITIATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS BY A PRIVATE PERSON:
NEW PROBLEMS AND NEW APPROACHES TO RESOLVING THEM

Abstract. The article considers the problems of initiation of criminal cases by private persons. Having analyzed the latest changes in the criminal procedure legislation and the practice of their application, the authors highlight the new problems in the procedure of adoption and consideration of the victim statement in a private prosecution case.

Keywords: initiation of criminal case, victim statement, demands, private prosecution, peace justice, reconciliation.

В соответствии с Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 509 уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 116.1 УК РФ, отнесены к подсудности районных (городских) судов. Тем самым этот закон исключил их из подсудности мировых судей. Однако данная категория уголовных дел относится к делам частного обвинения, по которым закон предусматривает особый порядок возбуждения уголовного дела. В юридической литературе неоднократно обращалось внимание на недопустимость нарушения права подсудимого на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом [1]. Применение новых положений уголовно-процессуального законодательства приводит к тому, что потерпевшие сталкиваются с тем, что суды неоднозначно толкуют указанные положения. На практике встречаются примеры, когда районные суды отказываются рассматривать поступившие заявления о преступлениях, предусмотренных ст. 116.1 УК РФ, или к подсудности одного и того же мирового судьи относят дела о привлечении лица как к административной, так и к уголовной ответственности, если повторное деяние совершено им на территории того же судебного участка [2].

Эта проблема требует безотлагательного решения. На наш взгляд, в действующем законодательстве необходимо закрепить положение о том, что рассмотрение и разрешение по существу уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст.116.1 УК РФ районными судами должно осуществляться в соответствии с положениями, предусматривающими особенности производства по делам частного обвинения и указанными в соответствующих статьях УПК РФ.

Заявление потерпевшего по делу частного обвинения должно соответствовать определенным нормативно закрепленным положениям, в связи с этим считается, что составить заявление по делу частного обвинения потерпевшему сложно, так как в таком заявлении он обязан описать события преступления, место, время, обстоятельства его совершения. Следовательно, потерпевший должен знать положения уголовного права, в частности, что такое преступление и событие преступления, указать данные о лице, в отношении которого подано заявление, установить и указать свидетелей и подписать заявление. При этом, если в какой-то части его заявление не будет соответствовать всем требованиям, мировой судья откажет в принятии заявления, дав время для устранения его недостатков. Таким образом, защита прав и законных интересов потерпевших лиц и организаций не всегда может быть достигнута, так как в уголовно-процессуальном законе не предусмотрены механизмы обеспечения прав потерпевшего по делам частного обвинения, если он, не владея юридическими познаниями, примет решение самостоятельно составить заявление и дать юридическую оценку деяния, совершенного лицом, в отношении которого им подано заявление частного обвинения [2].

По-другому урегулирован вопрос возбуждения уголовных дел публичного обвинения: устное заявление о преступлении заносится в протокол устного заявления. Если по делу частного обвинения потерпевший не может самостоятельно составить заявление, он может это сделать на приеме у мирового судьи, который будет обязан составить протокол устного заявления потерпевшего [3]. Необходимо дополнить ч. 2 ст. 319 УПК РФ положением, о том, что мировой судья составляет протокол устного заявления по делу частного обвинения.

На практике встречается еще достаточно много случаев принятия мировыми судьями незаконных судебных решений. Так, например, мировым судьей судебного участка №2 Ленинского района принято к производству заявление частного обвинителя – потерпевшего И. в отношении С. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 115 УК РФ. В отношении С. была проведена судебно-медицинская экспертиза, из заключения эксперта от 01.10. 2014 года следует, что отдельные повреждения, обнаруженные у И., причинили легкий вред здоровью, как повлекшие кратковременное его расстройство, отдельные повреждения вреда здоровью не причинили. В судебном заседании представитель

потерпевшего заявила ходатайство о приобщении дополнения к заявлению о возбуждении дела частного обвинения в порядке ст. 318 УПК РФ в отношении С. по ч.1 ст. 115 УК РФ. Мировой судья судебного участка № 2 Ленинского района И. своим постановлением незаконно отказал в принятии дополнения к заявлению о возбуждении дела частного обвинения в порядке ст.318 УПК РФ в отношении С. по ст. 115 УПК РФ.

В другом случае, Г. обратилась к мировому судье с заявлением по делу частного обвинения о привлечении к уголовной ответственности гр. К за умышленное причинение легкого вреда здоровью по ст. 115 ч.1 УК РФ, т.к. в течение 8 дней она находилась на стационарном лечении с диагнозом сотрясение головного мозга и ушибы мягких тканей головы. Мировым судьей вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела частного обвинения в отношении гр. К. совершении преступления, предусмотренного ст. 115 ч.1 УК РФ, в котором мировой судья ссылается на то, что в действиях гр. К отсутствует состав преступления, предусмотренного ст. 115 ч.1 УК РФ, т.к. в соответствии с актом медицинского освидетельствования Г. и медицинских документов, у Г. имелись повреждения в виде ссадин носа и лица, которые не повлекли кратковременного расстройства здоровья или незначительной утраты трудоспособности и расцениваются как повреждения.

Анализ 137 материалов по заявлениям частного обвинения и 27 уголовных дел за 2016, 2017 и 2018 гг. свидетельствует, что в 67% случаев конфликт был связан с распитием спиртных напитков. Решение о вызове лица принималось по всем уголовным делам и незначительной части заявлений, производство по которым в дальнейшем было прекращено в связи с примирением.

Изучение практики производства по уголовным делам частного обвинения позволяет сделать такие выводы: причинами неявки к мировому судье лица, на которое подано заявление является его ненадлежащее извещение. Это связано с тем, что не всегда удается определить местонахождение этого лица. Направление заявления потерпевшего почтовым отправлением не всегда достигает желаемого результата. Уголовно-процессуальный кодекс РФ не определил каким образом должен поступать мировой судья, чтобы не нарушить права лица, в отношении которого подано заявление по делу частного обвинения в тех случаях, когда это лицо заявление потерпевшего не получало [4].

Заявления граждан о возбуждении уголовных дел частного обвинения, поданные в органы полиции подлежат проверке в установленный законом срок, после чего по ее результатам, как правило, выносят постановления об отказе в возбуждении уголовных дел и разъясняется порядок обращения с заявлением непосредственно к мировой судье.

Например, 10 апреля 2016 г. в ОМВД России по Ленинскому району г. Саранска обратилась С.А. с заявлением о привлечении к ответственности Т., которая нанесла ей побои. Постановлением старшего участкового от 15 апреля 2016 г. в возбуждении уголовного дела по п. "а" ч. 2 ст. 116 и ч. 1 ст. 119 УК РФ отказано в связи с отсутствием состава преступления.

В другом случае, 2 июня 2016 г. в дежурную часть МВД РМ поступило сообщение от Р.А. о том, что бывший супруг избил ее и повредил ее автомобиль. Постановлением от 10 июня 2016 г. отказано в возбуждении уголовного дела за отсутствием состава преступления. Р.А. рекомендовано обратиться с заявлением к мировому судье в частном порядке.

Так, для рассмотрения и разрешения уголовного дела по обвинению А. по ч. 1 ст. 116 УК РФ частный обвинитель ходатайствовал об оказании содействия в получении документов, характеризующих личность А. В УМВД России по г. Саранску были направлены запросы о предоставлении бытовой характеристики и материала проверки по факту обращения С. с заявлением в полицию. При этом сведений о привлечении С. к административной и уголовной ответственности, наличие у него судимостей, не истребовано. Также не получены сведения из психоневрологического и наркологического диспансеров, хотя данные сведения являются важными при назначении подсудимому наказания. Мировой судья вынес в отношении С. обвинительный приговор.

Таким образом, исходя из анализа практики применения действующего законодательства следует сказать, что частное обвинение – это особый процессуальный институт, представляющий собой группу норм, определяющих особенности возбуждения, судебного разбирательства и прекращения уголовного дела частного обвинения. Началом частного обвинения следует считать подачу потерпевшим мировому судье заявления с требованием привлечения конкретного лица к уголовной ответственности. Мировой судья должен предпринимать все возможные меры к достижению назначения уголовного судопроизводства [5]. В этой связи необходимо производство по делам частного обвинения возбуждать при наличии заявления, оформленного в соответствии с требованиями закона, а если такое заявление частный обвинитель не может самостоятельно составить, то его требование о привлечении конкретного лица к уголовной ответственности и другие обстоятельства совершения преступления сведения необходимо занести в протокол устного заявления потерпевшего по делу частного обвинения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шигуров А. В. Проблемы реализации права подсудимого на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом //

- Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 6-1 (32). – С. 210-212.
2. Сушкова Ю. Н., Шигурова Е. И., Шигуров А. В. Мировые суды: от истории к современности // Социально-политические науки. – 2019. – Т. 9. – № 5. – С. 175-178.
3. Шигуров А. В. О пределах активности судьи при разрешении вопросов в стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 5-3 (11). – С. 195-197.
4. Шигурова Е. И. Актуальные проблемы возбуждения уголовных дел частного обвинения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 1-1. – С. 214-216.
5. Шигурова Е. И., Шалятова Е. В. Возбуждение уголовного дела: новые вопросы и проблемы // Ученые записки кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева. – Вып. 7. – Саранск, 2017. – С. 32-39.

КРЕМЧЕЕВА Г. Н., АЛЕХИН А. Е.

**О НОРМАХ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ,
ТРЕБУЮЩИХ СВОЕГО ОФИЦИАЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ**

Аннотация. В статье рассмотрены положения Конституции Российской Федерации, которые, по мнению авторов и других правоведов, содержат в себе некоторую неопределенность, приводящую к множественному пониманию их смысла и значения. В частности, речь идет о таких положениях, как верховенство Конституции, социальное государство, равенство религиозных организаций перед законом, умаление прав человека. Данные положения требуют своего официального толкования со стороны Конституционного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, Конституционный Суд, толкование, принцип верховенства, социальное государство, религиозные объединения, умаление.

KREMCHEEVA G. N., ALEKHIN A. E.

**ON THE NORMS OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION
REQUIRING THEIR OFFICIAL INTERPRETATION**

Abstract. The article deals with the provisions of the Constitution of the Russian Federation, which, according to the authors and other lawyers, contain some uncertainty, leading to multiple interpretations of their meaning and significance. In particular, the study considers such provisions as the supremacy of the Constitution, the social state, the equality of religious organizations before the law, the derogation of human rights. These provisions require official interpretation by the constitutional Court of the Russian Federation.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, Constitutional Court, interpretation, principle of supremacy of the Constitution of the Russian Federation, welfare state, religious associations, derogation.

Конституция Российской Федерации имеет особое место среди всех нормативных правовых актов отечественной правовой системы. Однако, учитывая тот факт, что данный нормативный документ имеет высшую юридическую силу и основополагающее значение в регулировании различных правовых отношений, следует отметить, что в литературе встречается множество мнений о некоторых недостатках Конституции Российской Федерации, выражавшихся в недостаточной конкретности и неопределенности некоторых ее положений. Указанную проблему можно решить путем ее официального толкования.

Понятие «толкование», «официальное толкование», не имеет своего легального определения. Поэтому приведем примеры такого определения, даваемые учеными-

юристами. Например, по мнению С.С. Алексеева «толкование – это деятельность по установлению содержания акта для его практической реализации. Благодаря толкованию разъясняются возникающие неопределенности в понимании смысла некоторых статей Конституции, что дает возможность правильной реализации законах» [1, с. 290]. В свою очередь А. Ф. Черданцев считает, что толкование – это определенный мыслительный процесс, направленный на объяснение какой-либо знаковой системы и его итоговый результат [14, с. 5].

Согласно российскому законодательству, полномочие официального толкования Конституции Российской Федерации принадлежит только Конституционному Суду Российской Федерации. Однако следует отметить значительный вклад ученых-юристов, политиков и других специалистов в изучение конституционных норм, в том числе обнаружение в них некоторые «недостатки»: двусмысленность понимания некоторых понятий; нечеткость формулировок; противоречивость и т. д. При этом в данных исследованиях приводятся не только мнения относительно содержания постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, но также выявляются и описываются новые проблемные аспекты в понимании конституционных норм и их применении, которые в будущем могут стать предметом толкования Конституционного Суда Российской Федерации.

Приведем примеры еще не рассматриваемых конституционной юстицией неточностях в статьях Конституции Российской Федерации, а также сделаем собственные выводы по каждому случаю о «недостатках» рассмотренных конституционных норм, о необходимости доведения этого вопроса до официального толкования.

1. Множество дискуссий ведется по поводу такого понятия как «принцип верховенства Конституции Российской Федерации», закрепленный в ч. 2 ст. 4 Конституции Российской Федерации. Даже несмотря на то, что рассматриваемое понятие имеет нормативное закрепление, в науке уже десятки лет ведутся дискуссии о сущности рассматриваемого принципа. На сегодняшний день существуют различные подходы, одним из самых распространённых является понимание верховенства Конституции Российской Федерации как основополагающего закона, на котором основываются другие нормативные акты. Например, И. А. Конюхова считает, что все законодательство в стране должно приниматься в соответствии и во исполнение конституции [5, с. 319].

Также выделяют иной подход утверждающий, что верховенство Конституции Российской Федерации является проявлением высшей юридической силы данного акта. Подобного мнения придерживаются в своих научных работах такие ученые, как Л. В. Лазарев [6, с. 55], А. В. Безруков [3, с.10], Н. А. Михалева [8, с. 95].

По мнению Е. Танчева, верховенство Конституции Российской Федерации – это распространение на всех лиц ее юрисдикции [12, с. 104].

Е. В. Невинская утверждает, что «из смысла ст. 4 Конституции Российской Федерации более определенно вытекает, что верховенство государства является проявлением государственного суверенитета, который распространяется на всю территорию Российской Федерации, то есть государство распространяет юрисдикцию на всю свою суверенную территорию и в отношении всех физических и юридических лиц, находящихся на этой территории» [9, с. 172].

По данному вопросу у нас сложилось собственное мнение. Мы считаем, что некоторые ученые, рассматривавшие значение понятия «принцип верховенства Конституции Российской Федерации», в данное определение включили и другие конституционные принципы, которые в настоящее время рассматриваются как самостоятельные принципы. Например, в первом подходе, представленном И. А. Конюховой, затрагивается такое свойство Конституции Российской Федерации как «базисность», т.е. она является базой текущего законодательства; во втором подходе проявляется свойство – «высшая юридическая сила». Хотелось бы сделать уточнение, что в данном случае мы рассматриваем все эти принципы как самостоятельные элементы юридических свойств Конституции, ведь в научной литературе, данные свойства приводятся как отдельные структурные единицы, а не являются совокупность признаков одного конкретного юридического свойства.

Таким образом, можно прийти к выводу, что верховенство Конституции, в первую очередь, отражается в ее действии на всей территории Российской Федерации. Поэтому можно согласиться с третьим подходом, который был рассмотрен Е. Танчевым и Е. В. Невицкой, указывающим на то, что понятие «принцип верховенства Конституции Российской Федерации» означает неуклонное соблюдение и применение на всей суверенной территории государства Конституции Российской Федерации в отношении всех ее субъектов.

2. Следующим примером связан с необходимостью толкования понятия «социальное государство» (ст. 7 Конституции Российской Федерации). В настоящее время существует множество споров по поводу интерпретации данного термина. Само слово «социальное» имеет широкое содержание, поэтому требует со стороны уполномоченного органа официального толкования. Так как при подобном нормативном толковании, будет достаточно легко понять какими критериями и признаками обладает социальное государство, и действительно ли, нынешняя политика Российской Федерации направлена на обеспечение подобного положения. Многие юристы и социологи в своих работах

пытались сформулировать собственное понимание социального государства (см. работы В. Н. Руденко [11, с. 79–93] или Е. В. Аристовой [2, с. 8–14].

Однако стоит отметить, что одной из трудностей понимания термина «социальное государство» является не совсем точное разъяснение таких понятий как «достойная жизнь» и «свободное развитие человека», которые также упоминаются в конституционной статье. Изучая данную проблему, можно сделать вывод, что проблема понятия «социального государства» до сих пор является актуальной, так как рассматриваемый термин очень важен для современного российского общества, и многие политики используют его в своей речи, но точного понятия так и не зная. Поэтому только Конституционный Суд может внести ясность в понятие «социальное государство». Также нельзя не согласиться с авторами, которые выявили свои подходы к пониманию изучаемого явления, так как в них они рассмотрели социальное государство с разных сторон, и каждый из подходов имеет свою уникальность.

3. Следующая норма, требующая своего толкования, содержится в ч. 2 ст. 14 Конституции Российской Федерации: «религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом». Именно слово «отделены» требует уточнения и растолкования, и позволит избежать ошибок в правовом регулировании. Если прибегать к грамматическому способу толкования и взять в помощь словарь русского языка С.И. Ожегова, то можем растолковать это как «изолированность, отстраненность, разъединенность и т.д.» [10, с. 470]. При подобном понимании данная статья имеет не правовой, а в большей степени атеистический смысл. Так, в своей статье И.В. Ходыкин дает интересную интерпретацию данной норме: «светское» – это как бы без религиозное, в свою очередь «государство» – это вся жизнь страны, а религиозные объединения – это все религиозное (от предметов до людей), «отделены» – значит изолированы от всего в стране, а все в стране «светское», то есть «нерелигиозное». [13, с. 13–14].

Если рассматривать комментарии к Конституции Российской Федерации, то, например, Л. В. Лазарев указывает: «отделение религиозных объединений от государства имеет большое юридическое значение. Прежде всего, это взаимное невмешательство в дела друг друга со стороны религиозных объединений, с одной стороны, и государства, его органов и должностных лиц – с другой. Государство нейтрально в сфере свободы религиозных верований и убеждений... Но определенные формы взаимодействия между ними существуют. Государство в соответствии с законом охраняет индивидуальные и коллективные права и свободы верующих, законную деятельность их объединений. Последние имеют право участвовать в культурной и социальной жизни общества» [6, с. 127]

Таким образом, следует сделать вывод, что только официальным толкованием можно внести ясность в словосочетание «отделены от государства», так как, если понимать

религиозные объединения в широком смысле, т.е. все верующие, то получается, что некоторая часть граждан отстранена от государства в целом, а это уже противоречит конституционному положению: «государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо...отношения к религии... Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам...религиозной принадлежности» (ст. 19 Конституции Российской Федерации).

Однако если рассматривать данный вопрос с другой стороны, то можно сказать, что, действительно, значение слова «отделены» в контексте данной статьи не означает полное отстраненность религиозных объединение от государства, а лишь безучастность обоих субъектов в делах друг друга, но в тоже время они взаимодействуют друг с другом. А такое взаимодействие может быть проявлено при государственном регулировании предоставления религиозным организациям налоговых и иных льгот, оказания финансовой и иной помощи. Также в настоящее время получает развитие такое направление как социальное партнерство между государством и религиозными объединениями [15, с. 5]. Религиозные объединения принимают участие в деятельности государства: религиозные организации через своих представителей участвуют в работе Общественной палаты Российской Федерации и общественных советов при органах власти. Данные примеры мы привели в поддержку второго подхода, так как именно он рассматривает термин «отделены» в более широком смысле, не углубляясь в лексическое значение, но также следует отметить, что первый подход имеет место быть, так как он также имеет свои аргументы и сторонников.

4. Следующая статья, требующая своего официального толкования, является статья 55 Конституции Российской Федерации, а именно в данной норме используется такое понятие как «умаление», и многие ученые пытаются выяснить значения данного термина в данном контексте.

Умаление прав, в понимании О. Н. Ведерниковой, проявляется в необоснованном ограничение прав и свободы, и уменьшении гарантий, связанных с их защитой и обеспечением [4, с. 301].

У В. В. Лапаевой иное мнение: «слово «умаление» означает принижение категориального и регулятивного значения (как качественных, а не количественных характеристик)» [7, с. 20].

М. Б. Эбзеев считает, что «умаление» есть «уменьшение материального содержания основных прав, объема социальных, политических и иных благ, причитающихся их обладателю, минимизация гарантий основных прав, в том числе в результате государственного предпочтения одной группы прав (или отдельных прав) в ущерб другой группе прав (другим правам)» [16, с. 231]. Все проанализированные определения имеют свои

как сходные, так и отличительные черты. Нельзя утверждать, что какое-то из приведенных определений является неправильным, так как каждое мнение автора имеет свои уникальные элементы. Например, Б. С. Эбзеев делает акцент на уменьшение прав и объема благ, также особенностью является то, что он указывает на государственное предпочтение одной единственной группы прав. Мнение О. Н. Ведерниковой в большей мере схоже с предыдущим автором, но его особенность заключается в указании на «необоснованное ограничение» прав и свобод. Совершенно иной подход высказывает В. В. Лапаева, а именно «умаление» означает не ограничение конституционных прав и уменьшение их объема, а под умалением автор понимает «принижение» значения определенной группы прав.

По нашему мнению, наиболее удачное определение привел Б. С. Эбзеев: в своей работе он, действительно, дает более точное и подробное объяснение, раскрывает все признаки данного термина, что дает довольно ясно понять сущность данного определения. Такое разнообразие позиций и мнений требует также своего официального толкования со стороны Конституционного Суда Российской Федерации.

В настоящее время идеальных конституций не бывает и не может быть. Свойства человеческого языка дают возможность неоднозначного толкования любого текста, в том числе и Конституции Российской Федерации. Большинство проблем в однозначном толковании некоторых понятий заключается в употреблении в статьях закона двусмысленных выражений. Поэтому возникает множество дискуссий по поводу точного определения того или иного понятия.

Данная проблема действительно является весьма актуальной, так как существует огромное количество подходов, теорий к определению одного и того же понятия, и обучающемуся довольно сложно разобраться в таком большом массиве информации. В нашей работе мы привели лишь четыре примера из Конституции Российской Федерации, которые требуют своего официального толкования, в действительности их гораздо больше. Проанализировав каждую статью, мнения ученых, юристов и просто специалистов о проблемных аспектах изученных конституционных норм, мы указали какой из указанных подходов, по нашему мнению, является более полным и точным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев С. С. Общая теория права : курс в 2 т. – М.: Юрид. лит., 1981. – 361 с.
2. Аристов Е. В. Социальное государство в конституционном праве : к вопросу о дискуссии относительно понятия // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2015. – №3(29). – С. 8-14.

3. Безруков А. В. Конституция, Основной закон и международный договор: правовая природа и соотношение // Конституционное и муниципальное право. – 2005. – №7 – С. 9-11.
4. Конституционные права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации : учеб. / под ред. О. И. Тиунова. – М.: Норма, 2005. – 608 с.
5. Конюхова И. А. Конституционное право Российской Федерации. Общая часть : Курс лекций. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 391 с.
6. Лазарев Л. В. Комментарий к Конституции Российской Федерации. – М.: ООО «Новая правовая культура», 2009. – 945 с.
7. Лапаева В. В. Проблема ограничения прав и свобод человека и гражданина в Конституции Российской Федерации (опыт доктринального осмысления) // Журнал российского права. – 2005. – №7. – С. 13-23.
8. Михалева Н. А. Конституционное право зарубежных стран СНГ : учеб. пособие. – М.: Юристъ, 1998. – 350 с.
9. Невская Е. В. Верховенство Конституции Российской Федерации как отражение государственного суверенитета России // Российский юридический журнал. – 2008. – №3. – С. 171-177.
10. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4–е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
11. Руденкин В. Н. Социальное государство в России: конституционный принцип и практическая реализация // Вестник Уральского института экономики, управления и права: научно-аналитический журнал. – 2013. – №1. – С. 79-93.
12. Танчев Е. Верховенство конституции в контексте конституционного плюрализма // Сравнительное конституционное обозрение. – 2005. – №4(53). – С. 104-113.
13. Ходыкин И. В. Несовершенство формулировки статьи 14 Конституции Российской Федерации как проблема реализации свободы вероисповедания // Философия права. – 2014. – №4. – С. 11-14.
14. Черданцев А. Ф. Толкование советского права. Теория и практика. – М.: Юрид. лит., 1979. – 168 с.
15. Шиманская О. Г., Матина Е. Г. Социальное партнерство государства и религиозных организаций современной России : методология, подходы, правовой аспект // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2014. – №3(54). – С. 3-7.
16. Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации – М.: Юрид. лит., 2005. – 576 с.

МАСЛОВСКАЯ М. В., СЕЛДУШЕВА Е. Г.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОЙ РЕФОРМЫ

В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные теоретические и правовые аспекты реализации муниципальной реформы в Российской Федерации. По мнению авторов, преобразования в сфере местного самоуправления осуществляются в рамках административной реформы, взаимосвязь между данными реформами очевидна.

Ключевые слова: государство, местное самоуправление, реформа, муниципальные образования, компетенция, органы местного самоуправления.

MASLOVSKAYA M. V., SELDUSHEVA E.G.

THE MAIN DIRECTIONS OF THE MUNICIPAL REFORM

IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article discusses some theoretical and legal aspects of the implementation of the municipal reform in the Russian Federation. According to the authors, the reforms of local self-government are carried out within the framework of the administrative reform as the connection between these reforms is obvious.

Keywords: state, local self-government, reform, municipalities, competence, local self-government bodies.

В последние десятилетия наша страна переживает одну реформу за другой: избирательную, социальную, жилищно-коммунальную, пенсионную, военную, в сфере образования и др. Вместе с тем политическое руководство страны особые усилия направило на реализацию двух реформ: административной и местного самоуправления. Обе реформы тесно взаимосвязаны между собой, поскольку затрагивают сферы жизнедеятельности человека как на уровне государства в целом, так и в отдельных его территориях – муниципальных образованиях. И первая, и вторая реформы, по сути, преследовали общую цель – создать эффективную модель управления.

В рамках административной реформы, начало которой было положено Указом Президента РФ от 23.07.2003 г. № 824 «О мерах по проведению административной реформы в 2003-2004 годах» [1], планировалось усовершенствовать систему и структуру органов исполнительной власти (изначально на федеральном уровне), пересмотреть полномочия данных органов, исключив из них дублирующие и избыточные, обеспечить эффективное выполнение государственных функций, а также доступное и качественное предоставление населению социальных услуг.

Начало муниципальной реформы связывают с принятием Федерального закона от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»[2], пришедшим на смену Федеральному закону от 28.08.1995 г. № 154-ФЗ с аналогичным названием [3]. Муниципальная реформа предполагала установление новых принципов территориальной организации местного самоуправления, изменение структуры органов местного самоуправления, выстраивание новых взаимоотношений последних с органами государственной власти федерального и регионального уровней.

Закодательство о местном самоуправлении, действовавшее в середине-конце 90-х годов, было далеко от совершенства и не способствовало, а нередко и препятствовало эффективному осуществлению местного самоуправления. К проблемам того времени, как правило, относят: отсутствие определенности в вопросах территориальной организации местного самоуправления, порядка создания муниципальных образований и установления их границ; отсутствие четкого разграничения вопросов местного значения и полномочий по их разрешению в системе органов местного самоуправления; несоответствие материальных и финансовых средств осуществляемым полномочиям (так называемые «нефинансируемые мандаты»), слабое взаимодействие органов государственной власти и органов местного самоуправления, нередко перерастающее в противодействие между собой и т.д.

Федеральный закон № 131 был призван разрешить вышеизложенные проблемы, обеспечить надлежащую реализацию конституционных положений о местном самоуправлении и его эффективное взаимодействие с государственной властью. Именно с принятием данного закона принято связывать начало муниципальной реформы. Следует оговориться, что Федеральный закон № 131 вступил в силу лишь 1 января 2009 г., хотя первоначально дата вступления закона в силу была иная – 1 января 2006 года. Для большей наглядности отразим основные направления муниципальной реформы в виде рисунка (см. рис.1).

В целях обеспечения надлежащего функционирования местного самоуправления был установлен переходный период, в рамках которого и в установленные законом сроки органы государственной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления должны были поэтапно: с учетом требований закона установить границы муниципальных образований и наделить их соответствующим статусом; назначить выборы и обеспечить их проведение во вновь образованных муниципальных образованиях; безвозмездно передать в муниципальную собственность имущество, находящееся в собственности субъекта РФ, и предназначеннное для решения вопросов местного значения; привести в соответствие с требованиями данного закона нормативные правовые акты регионального и муниципального уровней и т.д.

Рис. 1. Направления муниципальной реформы в РФ.

Особенно значимым преобразованием в рассматриваемой области является разработка «двууровневой» организации местного самоуправления и установление таких типов муниципальных образований, как сельские и городские поселения (они образуют 1-ый уровень); муниципальный район и городской округ (муниципальные территории 2-го уровня); внутригородская территория города федерального значения. Позднее закон установил такие виды муниципальных образований, как городской округ с внутригородским делением, внутригородской район, муниципальный округ. Одной из причин внедрения двухуровневого местного самоуправления явилось предположение о сближении местных властей с населением, так как при такой организации решение возникающих проблем и предоставление услуг населению будут более эффективным. Каждый тип муниципального образования обладает определенной автономией, функционирует на основе четкого

разграничения предметов ведения и полномочий, взаимодействует с другими органами публичной власти в установленных законом рамках. По мнению отдельных авторов, в этом видится залог создания подлинно самоуправляющейся системы публичной власти низового уровня [4, с. 183].

В ходе муниципальной реформы в дальнейшем решались такие задачи, как: определение структуры органов местного самоуправления, избрание последних и их должностных лиц; разграничение предметов ведения и полномочий между органами публичной власти муниципального, регионального и федерального уровней, а также между различными типами муниципальных образований. Но это отдельная тема для разговора.

Практика реализации Федерального закона № 131 убедительно свидетельствует о том, что с 2003 года в целом по стране осуществляется крупномасштабное преобразование местного самоуправления, которое и сегодня далеко от завершения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2003. – № 30. – Ст. 3046.
2. Собр.законодательства Рос. Федерации. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.
3. Собр.законодательства Рос. Федерации. – 1995. – № 35. – Ст. 3506.
4. Гегедюш Н., Мокеев М., Масленникова Е. Государственное и муниципальное управление: конспект лекций. – М.: Высшее образование, 2008. – 192 с.

ЕФИМОВА Е. И., МАСЛОВСКАЯ М. В.
РОССИЯ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Аннотация. В настоящей статье проводится анализ критериев отнесения России к социальному государству, раскрывается содержание мер российской социальной политики. Рассматриваются проблемы в социальной сфере на федеральном и на региональном уровнях, высказываются предложения по совершенствованию законодательства в исследуемой области.

Ключевые слова: социальное государство, социальная политика, материнский капитал, пособия, гарантии, прожиточный минимум, пенсии.

EFIMOVA E. I., MASLOVSKAYA M. V.
RUSSIA AS A WELFARE STATE

Abstract. This article analyzes the criteria for classifying Russia as a welfare state. The content of actions of Russian social policy is studied. The problems in the social sphere at the federal and regional levels are considered. Some proposals to improve legislation in the study area are made.

Keywords: welfare state, social policy, maternity capital, allowances, guarantees, subsistence rate, pensions.

Статьи 1 и 7 Конституции России провозглашают, что Российская Федерация является демократическим правовым и социальным государством. Социальный характер проявляется в том, что политикой страны является создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие каждого.

Распространенным является мнение, согласно которому термин «социальное государство» впервые ввел немецкий ученый Лоренц Штейн еще в первой половине XIX века. Однако содержание данного понятия до настоящего времени не является единообразным, мнения авторов относительно данного понятия различаются.

Как считает Д. А. Денисов, под социальным государством следует понимать государство, которое, с одной стороны выражает интересы широкого круга общества, а с другой – оказывает поддержку отдельным гражданам, которые являются неспособными вследствие объективных причин достичь своего благосостояния [1, с. 3].

По мнению В. Д. Зорькина, основное предназначение социального государства, делающее его реально социальным, проявляется в следующем: во-первых, в решении проблем создания надлежащих условий для воспроизведения жизни человека как биологического существа и субъекта различных видов общественной деятельности; во-

вторых, в создании и функционировании адекватной правовой системы защиты социальных интересов личности; в-третьих, когда на решение проблем социального характера сориентированы и экономика, и политика, и духовная жизнь общества. В совокупности всех этих аспектов и проявляется смысл провозглашенного конституцией принципа социального государства [2, с. 50].

При характеристике критерииев социального государства почти всегда сопоставляются юридические и фактические показатели, к которым чаще всего относят: уровень потребительской корзины, размер средней пенсии, размер прожиточного минимума и минимального размера оплаты труда, размер социальных пособий и т.д., с помощью которых подтверждается или опровергается социальная составляющая государственной политики.

Развивая данную мысль, большинство ученых склонны считать, что к числу признаков, характеризующих государство как социальное, в первую очередь, следует относить уровень благосостояния населения, достойную жизнь граждан, социальное обеспечение и социальную защиту со стороны государства и т.п.

Следуя данному подходу, как отмечает Н. В. Путило, система основных признаков социального государства выглядит следующим образом: установление гарантированного минимального размера оплаты труда; охрана труда и здоровья людей; обеспечение государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан; возможность каждого взрослого человека зарабатывать на себя и содержание своей семьи; развитие системы социальных служб; установление государственных пенсий и пособий и др. Именно поэтому, добавляет автор, закрепление на конституционном уровне отдельных институтов, свойственных социальному государству, чаще всего связано с системой социальной защиты (социальной помощи) и социального страхования [3, с. 16, 21].

Между тем, во многих зарубежных европейских странах, провозгласивших себя социальными, основа социальной политики базируется на государственных социальных стандартах, состоящих из установленных гарантированных социальных правах граждан и являющихся ориентирами в реализации социальной политики [4, с. 3].

В целях достижения должного уровня социальной сущности государства Конституция Российской Федерации закрепляет основные направления социальной политики, в их числе, в частности: минимальный размер оплаты труда, установленный и гарантируемый государством; государственная защита и поддержка семьи, материнства и детства, инвалидов и пожилых граждан; развитие системы социальных служб, установление государственных пенсий, пособий и иных гарантий социальной защиты; охрана труда и здоровья граждан, снижение уровня безработицы.

По мнению А. А. Ходусова, указанные направления государственной социальной политики представляют собой конституционные обязанности государства в социальной сфере [5, с. 16]. Каждое государство, которое провозгласило себя социальным, возложило, таким образом, на себя ответственность, реализующуюся в обязанностях перед обществом.

Основную задачу государства в социальной сфере составляет увеличение уровня качества жизни граждан и соблюдение гарантий для тех, кто по различным причинам не может реализовать свой потенциал [6, с. 102].

В целях решения проблем обеспечения гарантий в социальной сфере, следует развивать страховую деятельность, так как социальное страхование предоставит возможность восполнить потери трудоспособности, работы и заработка, потому что, например, при потере работы далеко не всегда социальные выплаты покрывают утраченный ранее доход. Страховая деятельность, таким образом, должна являться одним из основных элементов социальной политики в государстве.

Важнейшими направлениями социальной политики России являются социальная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, оказание адресной поддержки отдельным категориям граждан, а также защита материнства и детства. Следует, однако, заметить, что конкретные способы и объемы социальной помощи со стороны государства Конституцией РФ не установлены. Конкретные меры социальной поддержки и защиты нуждающихся категорий граждан находят свое отражение в федеральных и региональных законах.

Основную форму социальной поддержки нуждающихся категорий граждан в настоящее время составляет денежная, реализуемая посредством выплаты пособий, различных на регулярной основе выплат и компенсаций, материальной помощи и т.д.

На современном этапе, например, семьи, имеющие детей, получают государственную поддержку при соответствии установленным условиям. В среднем сумма выплаты на одного ребенка в отдельно взятом регионе зависит от величины прожиточного минимума в регионе и составляет в среднем 11 тысяч рублей. По статистическим данным, число получателей пособий на детей в 2017 году составлял 4035000 человек. Число полученных единовременных пособий при рождении ребенка среди работающих женщин составило 1147746, неработающих – 389022.

Президентом РФ в своем Послании Федеральному Собранию 2019 года было предложено увеличить выплаты на первого и второго ребенка до двух прожиточных минимумов с начала 2020 года.

Если федеральным законодательством закреплены основные направления государственной политики в сфере социальной поддержки российских семей, то региональными законодательными актами они конкретизированы.

Так, например, материнство и детство в Республике Мордовия поощряется с помощью принятия комплекса социально-экономических мер стимулирующего характера. Задачи государственной политики в области социальной защиты в Республике Мордовия отражены в Государственной программе Республики Мордовия «Социальная поддержка граждан» на 2014-2020 гг., принятой в целях обеспечения социальных гарантий государства жителям республики. Общий объем бюджетных ассигнований, направленных на реализацию данных задач, составил более 37 млрд. руб.

Механизм социальной поддержки в Мордовии в большей мере направлен на усиление адресности социальной помощи с учетом размера дохода граждан.

Как и в других российских субъектах, в Республике Мордовии продолжает свое действие федеральная программа материнского капитала, предполагающая выплату за рождение (усыновление) второго или последующего ребенка. В 2018 году размер материнского капитала составил 453026 рублей. Помимо этого, работает и программа регионального материнского капитала, который в 2018 году составил: 125270 при рождении третьего ребенка, 150324 при рождении четвертого ребенка, 187906 при рождении пятого и последующих детей. Министерством социальной защиты, труда и занятости населения Республики Мордовия в течение 7 лет (с 2012 года по 1 января 2019 года) было выдано 6605 сертификатов на республиканский материнский (семейный) капитал.

В Республике Мордовия достаточно развит механизм ипотечного кредитования, привлечение средств бюджетов разного уровня позволили успешно решить жилищную проблему в республике. Число многодетных семей, получивших жилое помещение и улучшивших жилищные условия в 2017 году, составляет 4963, из них в Республике Мордовия – 62.

Кроме этого, предоставляются бесплатные и льготные путевки в загородные детские оздоровительные учреждения для детей, нуждающихся в социальной поддержке, выделяются средства для приобретения детских новогодних подарков отдельным категориям граждан, проживающих на территории Республики Мордовия.

В тоже время, следует отметить проблемы социальной сферы республики, заключающиеся в том, что уровень доходов граждан по-прежнему остается низким, граждане республики мигрируют в индустриально развитые города и регионы России (Москва, Самара, Нижний Новгород и др.), субъекты частного предпринимательства недостаточно вовлечены в решение социальных проблем.

Несмотря на развитие в Республике Мордовия различных форм социальной помощи, в последнее время институт государственных пособий семьям с детьми фактически потерял социально-экономическую значимость из-за незначительного размера указанных выплат.

Если в целом охарактеризовать российское государство как социальное, то необходимо отметить, что за последнее время делаются значительные шаги по его развитию. Например, уровень МРОТ стал соответствовать установленному в трудовом законодательстве критерию прожиточного минимума, социальные пособие и выплаты индексируются на коэффициент инфляции и т.д. И хотя размер этих выплат не способствует в полной мере реализации конституционного права на достойную жизнь, движение России по пути строительства социального государства является заметным. Следует также отметить, что в условиях экономической нестабильности, особенно вызванной в последнее время экономическими санкциями в отношении России, российским государством все социальные выплаты были не затронуты и продолжали осуществляться, а при утверждении ежегодных бюджетов им отводилась основная роль.

Совершенствование социальной политики российского государства должно осуществляться по пути формирования реальных условий для повышения уровня реализации всех социальных прав, входящих в содержание права на достойную жизнь.

К сожалению, в России в настоящее время отсутствует федеральный закон о социальной политике, хотя соответствующие законопроекты разрабатывались, но были отклонены. Для решения проблем построения и развития социального государства в качестве юридической гарантии следует принять Кодекс социального обеспечения, где должны быть четко отражены основания предоставления государством социальной поддержки в каждой из ее форм и определить их объем. На наш взгляд, в Кодексе также должны быть закреплены основные понятия и определения, раскрывающие критерии адресности и нуждаемости, установление единой методики оценки нуждаемости, учитывающей состав семьи и доходов, а также тот факт, что при учете нуждаемости за основу должен быть взят не только ежемесячный совокупный доход семьи, но и имущественная обеспеченность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Денисов С. А. Социальное или патерналистское государство // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 7. – С. 3-9.
2. Зорькин В. Д. Социальное государство в России: проблемы реализации // Сравнительное конституционное обозрение. – 2008. – № 1. – С. 46-50.
3. Путило Н. В. Юридические критерии социального государства: новые подходы // Журнал российского права. – 2016. – № 10. – С. 15-25.

4. Скачкова Г. С. Социальная политика Российского государства и трудовое законодательство // Трудовое право в России и за рубежом. – 2017. – № 4. – С. 3-6.
5. Ходусов А. А. Современное состояние в области защиты социальных прав человека и гражданина в Российской Федерации // Современное право. – 2017. – № 6. – С. 16-21.
6. Беляева Ю. Н. О социальных функциях государства // Журнал российского права. – 2016. – № 1. – С. 99-106.

НЕСТЕРОВА Т. И., НАРБЕКОВА А. В.
ИНСТИТУТ БАНКРОТСТВА СУПРУГОВ

Аннотация. В статье рассматриваются основные положения института банкротства в сфере семейных правоотношений. Проанализирована судебная практика в этой сфере.

Ключевые слова: банкротство, супруг, несостоятельность, обязательство, брачный договор, общее имущество, должник, взыскание, долговое обязательство, собственность, конкурсная масса, ответственность, кредитор, режим раздельной собственности.

NESTEROVA T. I., NARBEKOVA A. V.
THE INSTITUTION OF BANKRUPTCY OF SPOUSES

Abstract. The article discusses the main provisions of the institution of bankruptcy in the field of family relations. The judicial practice concerning the bankruptcy of spouses is analyzed.

Keywords: bankruptcy, spouse, insolvency, obligation, marriage contract, common property, debtor, recovery, debt obligation, property, bankruptcy estate, liability, creditor, separate property.

С 2015 года в российском праве действует институт банкротства физических лиц. Введение правовых норм, регулирующих несостоятельность физического лица, не могло не отразиться на сфере семейных правоотношений. Введение нового правового института нередко порождает за собой проблемы ввиду недостаточности правового регулирования, а также отсутствия обширной судебной практики по данному вопросу.

Исходя из п. 1 ст. 45 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ), по обязательствам одного из супружеских супругов взыскание может быть обращено лишь на имущество этого супруга [1]. Таким образом, п. 1 ст. 45 СК РФ устанавливается общее правило ответственности супруга должника по своим обязательствам.

При недостаточности этого имущества кредитор вправе требовать выдела доли супруга-должника, которая причиталась бы супругу-должнику при разделе общего имущества супружеских супругов, для обращения на нее взыскания. Под общим имуществом супружеских супругов следует понимать имущество, приобретенное супружескими супругами во время брака, а также добрачное имущество, в которое были произведены вложения, значительно увеличивающие его стоимость (в данном случае статус общего имущества присваивается судом).

Сложным моментом является определение конкурсной массы. Это связано, во-первых, с тем, что российское право закрепляет два вида правовых режимов имущества супружеских супругов: законный и договорный. Это означает, что имущество, приобретенное в браке, не

обязательно находится в общей совместной собственности, предусмотренной законным режимом.

Во-вторых, супруги могут изменить режим общей совместной собственности посредством брачного договора и соглашения о разделе общего имущества, подарить и продать друг другу имущество. Недобросовестные супруги, пытаясь уменьшить конкурсную массу, зачастую выводят имущество из собственности супруга-должника путем заключения гражданско- и семейно-правовых договоров.

Так, заключение брачного договора в настоящее время не является редкостью. Он является эффективной гарантией обеспечения имущественных прав супружеских пар. Однако стоит отметить, что брачный договор может заключаться и для обмана кредиторов. Проводя анализ судебной практики в сфере банкротства физического лица, если это лицо состоит в браке и заключало брачный договор, мы выяснили, что одним из самых распространенных вопросов в данной сфере является действительность данного соглашения.

Рассмотрим пример из судебной практики.

25 ноября 2014 г. между супругами С. и А. был заключен брачный договор. Данным соглашением был изменен режим совместного имущества и установлен режим раздельной собственности. По условиям брачного договора, недвижимое имущество, автомобили являются собственностью того супруга, на имя которого они приобретены и зарегистрированы.

15 августа 2016 г. супруг А. был признан банкротом и в отношении него была введена процедура реализации имущества. Финансовый управляющий обратился в арбитражный суд с исковым заявлением о признании недействительным брачного договора, поскольку в результате данного соглашения в собственность супруги С. перешло имущество, нажитое супругами во время брачных отношений, в то время как супругу А. перешли денежные требования.

Суд, анализируя сложившуюся ситуацию, сослался на п. 1, 2 ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации, так как прослеживается явное злоупотребление правом супружескими. Следовательно, исполнение брачного договора выводит имущество из конкурсной массы, чем нарушаются права кредиторов.

Судом также установлено, что в период заключения брачного договора в суде рассматривался спор о взыскании денежных средств между супругом А. и гражданином Б. Таким образом, супруги целенаправленно заключили брачный договор для скрытия совместно нажитого имущества от кредиторов.

Суд первой и апелляционной инстанции пришел к правомерному выводу о недействительности брачного договора. Суд кассационной инстанции подтвердил выводы

нижестоящих судов о том, что брачный договор был заключен между заинтересованными лицами при наличии долговых обязательств у одного из супругов, и данное соглашение заключалось не для обеспечения имущественных прав супругов, а в целях утаивания имущества от включения в конкурсную массу, тем самым нарушены права кредиторов [4].

Еще пример. В Арбитражный суд в рамках дела о банкротстве обратился гражданин А. (должник) с заявлением об исключении из конкурсной массы земельного участка. Рассматривая дело по данному заявлению, Арбитражный суд отказал в удовлетворении заявления, поскольку в рамках ранее рассматриваемого дела в суде общей юрисдикции, между должником и гражданкой Ш. (его супругой) было заключено мировое соглашение, предусматривающее раздел совместного нажитого в браке недвижимого имущества, устанавливающее передачу в собственность супруги нежилого помещения и земельного участка без какой-либо денежной компенсации, вследствие чего фактически между сторонами заключен брачный договор.

Отказывая в удовлетворении заявления об исключении земельного участка из конкурсной массы, суды первой и апелляционной инстанции исходили из следующего:

- 1) между сторонами заключен брачный договор, однако кредиторы не были уведомлены об этом;
- 2) статус общего имущества супругов не изменен;
- 3) имущество, находящееся в собственности супругов, подлежит реализации в процедуре банкротства одного из них.

Не согласившись с решениями судов первой и апелляционной инстанции, финансовый управляющий обратился с кассационной жалобой. Суд отменил решения нижестоящих судов ввиду того, что выводы судов о заключении супругами брачного договора и сохранении режима совместной собственности являются несостоятельными, вследствие чего земельный участок не должен быть включен в конкурсную массу. Судом установлено, что в данном случае между сторонами было заключено соглашение о разделе общего нажитого имущества, а не брачный договор. Кроме того, судом установлено, что рассматриваемое мировое соглашение является двусторонней сделкой и связывает только супругов, то есть обязанность по уведомлению кредиторов в данном случае отсутствует.

Однако Верховный суд Российской Федерации установил, что спорный земельный участок правомерно находится в составе конкурсной массы, так как супругами мировое соглашение о разделе общего имущества было заключено в целях укрытия имущества от обращения взыскания на него кредиторами, поскольку на момент утверждения мирового соглашения должник имел признаки несостоятельности (мировое соглашение было заключено менее чем за два месяца до возбуждения дела о банкротстве) [3].

В своей работе М. Шестакова «Конкурсная масса при банкротстве граждан, что происходит с единственным жильем должника общим имуществом, супруга и алиментами?» ссылается на точку зрения консультанта ИЦЧП им. С. С. Алексеева при президенте РФ, председателя банкнотного клуба Олега Зайцева, которая заключается в следующем:

1) дела, рассматриваемые по исковым заявлениям о разделе совместного нажитого имущества, должны рассматриваться в соответствии с нормами законодательства о банкротстве, а не по семейному законодательству.

2) существует риск незнания кредиторов о судебных спорах, связанных с разделом общего имущества супругов [5, с. 2].

Относительно данного мнения мы можем пояснить, что в судах общей юрисдикции существует картотека рассматриваемых дел. Однако мы не отрицаем, что в данном случае, вероятнее всего, кредиторы не будут отслеживать появление в картотеке дел о рассмотрении спора о разделе совместного нажитого имущества должника между должником и его супругом или бывшим супругом. В связи с этим, мы предлагаем законодательно установить обязанность уведомления кредиторов о начале рассмотрения в суде общей юрисдикции подобных споров о разделе совместного нажитого имущества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семейный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс» (дата обновления 29.05.2019).
2. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»: Федер. закон от 26 окт. 2002 №127-ФЗ [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс» (дата обращения 03.07.2019).
3. Определение Верховного суда Российской Федерации от 24 сентября 2018 г. №304-ЭС18-4364 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=149847929806013337001484539&cacheid=3D878AFFE25407B93B530CB32C20A628&mode=splus&base=ARB&n=554395&rnd=BA4B0BAD9524CC2EC6E9CE36C9483EB0> (rnd=BA4B0BAD9524CC2EC6E9CE36C9483EB0#2373ylvrvmu) (дата обращения 23.09.2019).
4. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 18 июля 2019 г. по делу №А14-14987/2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=149847929806013337001484539&cacheid=0BCE609AACF2E5A6BD5752BA190276FE&mode=splus&base=ACN&n=118>

680&rnd=BA4B0BAD9524CC2EC6E9CE36C9483EB0#2whys58nj5 (дата обращения 23.09.2019).

5. Шестакова М. Конкурсная масса при банкротстве граждан, что происходит с единственным жильем должника общим имуществом, супруга и алиментами? // Эж-Юрист. – №1. – 2019. – С. 1-2.

ГИНЗБУРГ И. В., АГРАШЕВА О. Е.

МЕХАНИЗМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ПРАВА

СУДАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Данная статья посвящена вопросу применения иностранных норм судами в Российской Федерации. Анализируются основные проблемы, с которыми сталкиваются суды при применении иностранного права. В статье также анализируется важность такого этапа применения иностранного права как толкование.

Ключевые слова: иностранное право, правоприменение, оговорка о публичном порядке, реторсия.

GINZBURG I. V., AGRASHEVA O. E.

MECHANISMS OF APPLICATION OF FOREIGN LAW IN RUSSIAN COURTS

Abstract. This article considers the application of foreign legal norms in the courts of the Russian Federation. The main problems that the courts face when applying foreign law are analyzed. The article also considers the interpretation as an important stage of the application of foreign law.

Keywords: foreign law, application of law, public order clause, retortion.

В современном мире, подверженном необратимому процессу глобализации, большое значение приобретает вопрос правового регулирования разнообразных проявлений международных отношений. Существующие политические и экономические условия большинства развитых стран позволяют выстраивать сотрудничество не только на государственном уровне, но и в частном секторе. Частноправовые отношения, имеющие транснациональную природу, т. е. выходящие за рамки одной правовой системы по причине присутствия в них иностранного элемента, регулируются международным частным правом. Отличительной характеристикой данной отрасли права представляется её коллизионная природа. Объясняется данный факт тем, что понимание одних и тех же правовых ситуаций в рамках различных правовых систем, а, следовательно, и их урегулирование может существенно различаться. Поэтому необходимо понимать, что международное частное право – это не единая унифицированная совокупность норм, которая бы применялась для урегулирования любых частноправовых отношений независимо от государственной принадлежности. Международное частное право складывается из правопорядков различных государств на основе международных соглашений и договоров между конкретными странами и национальных коллизионных норм. В связи с обозначенным фактом возникает

вопрос о том, каким именно образом происходит взаимодействие национального и иностранного права. Главным образом, необходимо представлять каковы условия применения иностранного права и в каких случаях его применение ограничено или же вовсе недопустимо. В данной статье ставится задача осветить обозначенные вопросы применительно к российской правовой системе.

Начнём с того, что существуют различные подходы к пониманию категории «применение иностранного права». И. А. Некрасов предлагает классификацию, основанную на трёх критериях – субъект применения, стадия применения и отраслевой признак [3, с. 713]. По первому критерию он выделяет применение иностранного права государственными органами, учреждениями и должностными лицами (например, судебными органами, нотариатом); общественными организациями (в том числе третейским судом); физическими и юридическими лицами (например, в качестве тех доказательств, которые они могут предоставлять в ходе судебного разбирательства). Согласно второму критерию разделяется широкое и узкое понимание применения иностранного права. Широкое понимание, в отличие от узкого, подразумевает под собой не только применение как таковое, но и включает в себя процесс поиска применимого права, квалификацию юридических понятий и обратную ссылку. По отраслевому признаку выделяется применение процессуального или материального права.

Стоит учесть, что иностранное право может рассматриваться как факт и как право. В первом случае трактовка иностранного права связана с фактическими обстоятельствами, подлежащими доказыванию, которое возлагается на стороны, в то время как суд лишь производит оценку. В России же реализуется второй вариант, который предполагает возможность применения иностранного законодательства, судебной практики, правовой доктрины и обычая, то есть уделяется особое внимание всей системе правопорядка, а не только отдельным нормам. Применение иностранного частного права к отношениям, осложнённым иностранным элементом, тесно связано с важнейшим признаком государства – суверенитетом и частичным ограничением национального права, в связи с чем вопрос такого правоприменения отличается особой важностью и должен входить в компетенцию государства [4, с. 73].

Применяя иностранное право, российские суды должны таким образом истолковать его нормы, чтобы не допустить искажения, то есть понимание должно быть полным и должно соответствовать пониманию, существующему в его естественной правовой среде (на территории соответствующего иностранного государства). О необходимости соблюдения данного принципа ещё в 1929 году заявляла Постоянная палата международного правосудия [1, с. 31]. На сегодняшний день в рамках российского международного частного права

подтверждение реализации данного принципа мы находим в п.2. ст.1191 ГК РФ. В нём сказано, что при необходимости для верного истолкования норм иностранного права суд может обратиться за содействием к Министерству юстиции РФ и прочие компетентные органы, как на территории РФ, так и за её пределами, а также привлекать экспертов. Как правило, это могут быть МИД РФ, Торгово-промышленная палата РФ, научные учреждения, посольства и т.д. Содействие суду в данном вопросе могут также оказывать лица, участвующие в деле, например, предоставляя документы, на которые они ссылаются в обоснование своих требований или возражений.

Этап толкования нормы иностранного права является одним из наиболее важных, поскольку содержание нормы может повлиять на возможность её применения. Так, статья 1193 ГК РФ предусматривает невозможность применения нормы иностранного права в случае, если последствия её применения будут явно противоречить основам политического, правового и экономического порядка РФ. Если же имеет место неправильное толкование норм иностранного права, то последствия данного факта будут различными в зависимости от страны, о которой идёт речь. Например, в Нидерландах и Франции неправильное применение норм иностранного права не является причиной для пересмотра судебного решения, в отличие от стран-членов Международного симпозиума о Кодексе Бустаманте. В соответствии с российским законодательством (статьи 270 и 288 АПК РФ и 330 ГПК РФ) подобные решения подлежат обжалованию в апелляционном и кассационном порядке.

Российские суды при рассмотрении гражданских дел не редко допускают ошибки в части применения норм иностранного права. Приведем пример. Так, Компания EUROCEMENT Holding AG обратилась в Арбитражный суд Республики Мордовия в рамках дела о банкротстве должника – гражданина С. с заявлением о включении в реестр требований кредиторов задолженности, которая образовалась вследствие возникших имущественных потерь заявителя. При рассмотрении заявления арбитражным судом было установлено, что между гражданином С. и организацией «ЕВРОЦЕМЕНТ груп» (российская организация) был заключен договор купли-продажи акций. Иностранная организация EUROCEMENT Holding AG, выступившая заявителем в рамках дела о банкротстве, являлась акционером российской организации «ЕВРОЦЕМЕНТ груп» (покупателя акций гражданина С.).

При заключении договора стороны использовали правовые конструкции, не предусмотренные действующим российским законодательством. В числе данных правовых конструкций: договор о заверениях, регулируемый английским правом, заключенный между продавцами акций и Компанией. Согласно договору, гражданин С. (продавец акций) предоставил бенефициару ряд заверений (warranties) относительно прав на акции, а также

гарантии возмещения имущественных потерь (indemnities). Возмещение имущественных потерь предусматривалось, в том числе, в случае отсутствия у покупателя и (или) утраты покупателем права собственности на продаваемые акции. Стороны предусмотрели в договоре аудит, который должен был проводиться после закрытия сделки купли-продажи акций. В том случае, если аудит показывал, что размер капитала ниже изначально согласованного, продавец акций обязан был возместить часть цены акций. В результате проведенного аудита компания определила имущественные потери в соответствии с условиями договора. Неисполнение С. обязательств по возмещению имущественных потерь стало причиной для обращения в суд. Суд первой инстанции посчитал необоснованным использование сторонами английского права ввиду того, что фактически стороны заключали договор покупки бизнеса, предусмотренный российским гражданским законодательством. Так, российская организация «ЕВРОЦЕМЕНТ груп», акционером которой являлась иностранная организация EUROCEMENT Holding AG, избрала способом покупки предприятия приобретение его акций. Суд первой инстанции в своем определении отметил о наличии неустранимых противоречий гражданским правоотношениям условия о заверениях, а сам договор признал искусственно созданной конструкцией. Суд первой инстанции отказал в удовлетворении требования. Апелляционная инстанция согласилась с мнением суда первой инстанции. Суд кассационной инстанции, ознакомившись с доводами кассационной жалобы и материалами дела, вернул его на новое рассмотрение. Сославшись на п.5 статьи 13 АПК РФ, суд кассационной инстанции отметил, что арбитражный суд применяет нормы иностранного права в том случае, если применение явно не противоречит основам правопорядка. Суды не установили императивность подлежащих применению к спорным правоотношениям положений гражданского законодательства Российской Федерации. При этом отказ в применении нормы иностранного права не может быть основан только на отличии правовой системы соответствующего иностранного государства от российской [5].

Переходя к вопросу о том, когда же возможно применение иностранного права, стоит уделить особое внимание перечню источников национального права РФ, в которых содержатся нормы МЧП. Сюда входят:

- 1) ГК РФ (раздел VI);
- 2) ГПК РФ и АПК РФ;
- 3) СК РФ (раздел VII);
- 4) КТМ РФ (глава XXVI);
- 5) Закон о Международном коммерческом арбитраже;
- 6) Основы законодательства РФ о нотариате (глава XXI).

При этом, два последних нормативных правовых акта из приведённого перечня не отмечены как внутригосударственные источники права РФ в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9.07.2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации». В указанном Постановлении также разъясняется ряд важных коллизионных вопросов, например, о праве, подлежащем применению:

- 1) при определении правового положения лиц;
- 2) к вещным правам;
- 3) к форме сделки;
- 4) к договорным обязательствам;
- 5) к отношениям с участием потребителей;
- 6) к отношениям добровольного представительства;
- 7) к внедоговорным обязательствам.

Общие положения о возможности применения иностранного права содержатся в статье 1186 ГК РФ. Согласно ей сначала необходимо обратиться к международным договорам РФ, ГК РФ, прочим законам и обычаям, признаваемым в РФ, с целью обнаружения прямых предписаний о применяемом праве. В случае отсутствия такого указания, применению подлежит право страны, «с которой гражданско-правовое отношение, осложненное иностранным элементом, наиболее тесно связано». Таким образом, мы видим, что данная формулировка оставляет вопрос о применении иностранного права на рассмотрение суду.

Что касается случаев ограничения и полного исключения возможности применения иностранного права в РФ, то они связаны со следующими явлениями. Во-первых, как уже было оговорено ранее, иностранное право не может быть применено в том случае, когда последствия такого применения представляют явную угрозу возникновения противоречия с правопорядком РФ. Таким образом в российском законодательстве отражён негативный вариант понимания оговорки о публичном порядке. Б. А. Куркин отмечает, что в укладе российского законодательства реализуются такие проявления оговорки о публичном порядке, как:

- 1) «основы правопорядка» – касаются частноправовых законов;
- 2) «суверенитет и безопасность» – касается процессуальных актов;
- 3) «публичный порядок» – касается, главным образом, Закона о Международном коммерческом арбитраже и АПК РФ [2, с. 57].

Существует так же позитивная трактовка (например, во Франции), которая подразумевает наличие совокупности таких внутренних норм, которые отличаются

принципиальной важностью, поскольку защищают не только общественные, но и моральные устои государства, поэтому должны соблюдаться и применяться независимо от отсылок коллизионных норм. Существует точка зрения, согласно которой позитивная оговорка о публичном праве представляет собой проявление действия императивных (или сверхимперативных) норм. Но поскольку, например, в российском законодательстве существует понятие императивных норм (ст. 1192 ГК РФ), и выше уже было сказано о существовании негативной оговорки, то императивные (сверхимперативные) нормы было бы правильнее рассматривать отдельно от понятия позитивной оговорки. В доктрине МЧП подобные нормы понимаются по-разному: и как любая норма такого характера (то есть вне зависимости от её принадлежности к частной или публичной сфере), и как особая норма, высшего порядка, отличающаяся сверхимперативностью в силу своего значения и т. д. Так или иначе, ключевая характеристика таких норм заключается в наделении такой силой, которая препятствует применению иностранного права.

Ещё один вариант невозможности применения иностранного права проявляется в случае реторсии. Положение о реторсии закреплено в статье 1194 ГК РФ – это ограничения, которые может установить правительство РФ в отношении имущественных и личных неимущественных прав граждан и юридических лиц тех государств, в которых, соответственно, имеются ограничения имущественных и личных неимущественных прав российских граждан и юридических лиц. Накладывая подобные ограничения, государство восстанавливает принцип взаимности в условиях складывающейся международной обстановки.

Таким образом, правовое регулирование международного частного сектора представляется непростой задачей как для законодателей различных государств, так и для правоприменителей. Особенности применения иностранного права в России связаны, главным образом, с положениями международных договоров РФ, внутригосударственными и коллизионными нормами. Существует также ряд ограничений в применении иностранного права для урегулирования правоотношений, осложнённых наличием иностранного элемента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гетьман-Павлова И. В. Международное частное право: учебник для магистров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2013. – 959 с.
2. Куркин Б. А. Международное частное право: учеб. пособие. – М.: МГИУ, 2008. – 240 с.

3. Некрасов И. А. Применение иностранного права судами РФ: общая характеристика и значимость // Актуальные проблемы российского права. – 2007. – № 1. – С. 710–715.
4. Николюкин С. В. Международный гражданский процесс и международный коммерческий арбитраж: учебник. – М.: Юстиция, 2017. – 256 с.
5. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа (ФАС ВВО) от 9 июля 2018 г. по делу № А39-8046/2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/NLFCIXyOeFmt/> (дата обращения 24.09.2019).